

Нижний
90-е

ул. Б. ПОКРОВСКАЯ. 3 39 01 82
ОБМЕН ВАЛЮТЫ
ул. Б. ПОКРОВСКАЯ. 3 39 05 52

POLLENA
NN
КОСМЕТИКА ПАРИЖЕРУЗ

ТАБЛЕТКИ

Сведака

16+

№ 5 (62) 2017 г.

газета о культурной жизни

ЕДА И КУЛЬТУРА
project

Hyundai Creta.

Полный привод.

Полный контроль.

7 000 Р/мес.¹

0 Р первоначальный
взнос²

НИЖЕГОРОДЕЦ
Московское шоссе, 34
(ост. Сормовский поворот)
www.hyundai.nnmotors.ru

Старт
ФИНАНСОВАЯ ПРОГРАММА

5 ЛЕТ
ГАРАНТИИ
150 000 км

^{3 1} Ежемесячный платеж по программе Hyundai Старт с учетом гос. программы льготного кредита 490 600 р., срок кредита 36 мес.; процентная ставка 9,4% годовых. Гарантирована первоначальный взнос на Creta при условии: процентная ставка с учетом гос. субсидии кредита. ООО «Русфинанс Банк». Условия и тарифы могут быть изменены Банком в одностороннем порядке. ³ 5 лет или 150 000 км, в зависимости от того, что наступит раньше, с учетом первого покупателя. Подробности на www.hyundai.ru Реклама.

автокредитования, исходя из цены Creta 1.6 6MT 2WD Start (Старт) 799 900 р. при условии: первоначальный взнос 309 300 р., суммарная остаточная стоимость (часть стоимости автомобиля, подлежащая оплате в конце срока кредита, далее – ОС) – 359 955р.² 0 р. – обслуживания – 10,8%, срок кредита 36 мес., ОС – 45% от цены на момент покупки. Обязательно оформление полиса КАСКО на весь срок в одностороннем порядке. Предложение ограничено, все расчеты и условия действительны по состоянию на 01.09.17, не оферта.³ Гарантия без ограничений, изложенных в сервисной книжке. Датой начала гарантии является дата передачи автомобиля официальным дилером

04-08
ОКТАБРЯ

ОРЛЕНОК

БОЛЬШАЯ ПОКРОВСКАЯ, 39А

фестиваль

документального

кино о

музыке и

новой культуре

BEAT
WEEKEND
НИЖНИЙ НОВГОРОД

ДЕНЬ
НЕЗАВИСИМОСТИ

РЕЙВ
В ИРАНЕ

Я -
ГАГАРИН

КОГДА
Я ДУМАЮ
О ГЕРМАНИИ
НОЧЬЮ

ХАЙП!

16+

Содержание

Слово редактора. Где мы есть	5	Музыка	
Слова		Рейв-культура.....	16–17
Олег Кондрашов и Владимир Сорокин.....	6–7	История нижегородского андеграунда.....	18
Мода		Бизнес	
90-е на подиуме и улице.....	8–9	Челноки.....	20–21
Медиа		Кино	
Нижегородское телевидение.....	10	Киноклубы.....	22
Политика		Медиа	
Как делались выборы.....	12	История рубрики посланий.....	24
Интервью		Еда	
Иван Иванович Кладницкий.....	13	Булочная или обувной?.....	26
Фоторепортаж			
«Макдоналдс» в Нижнем.....	14–15		

Мария Гончарова,
главный редактор

Кажется, про 90-е не говорил только ленивый, однако у нас в «Селедке» своя свадьба – про 90-е в Нижнем Новгороде в 2017-м вот так обстоятельно не писал, наверное, никто. Здесь всего 28 полос, из них какое-то количество принадлежит рекламе, и все, что осталось, мы попытались максимально уплотнить тем, что нас в нижегородские 90-е интересовало: как одевались, кого боялись, куда ходили смотреть кино, танцевать и слушать странную музыку, какое было телевидение, как проходили выборы и как открывался первый «Макдоналдс». Мои ранние 90-е – я с мамой стою в очереди за мягкими игрушками в «Детском мире» на улице Горького, очень хочу получить большую собаку Колли, на худой конец –

Степашку из «Спокойной ночи, малыши!», а мне достается зеленая подушка в виде божьей коровки и красная кошка со стеклянным взглядом, а все потому, что очередь гигантская, игрушки молниеносно раскупают, ничего поделать нельзя, и безнадега, и держи уже красную кошку и радуйся. Такое вот время.

Дорогие читатели, которым больше тридцати лет, сделайте скидку редакции, если мы упустили что-то чрезвычайно важное из того времени. Номер создавался людьми, которые в 90-е только начинали жить и максимум ходили в школу, а кто-то все больше в садик.

Всем пейджер, пепси, MTV (хотя вроде бы это уже нулевые)! ☑

Главный редактор газеты «Селедка» (слева) 1 сентября 1997 года идет в школу

Где мы есть

Места распространения газеты, в которых «Селедка» ежемесячно находит свое прибежище

ЕДА И КУЛЬТУРА project

«Селедка и кофе» ул. Рождественская, 19
 «Безухов» ул. Рождественская, 6
 MILO | CLUB ул. Белинского, 63
 «Буфет» ул. Ошарская, 14
 Mÿkka ул. Ошарская, 36 б
 Mitrich Steakhouse ул. Ковалихинская, 8
 Mitch ул. Ковалихинская, 8
 «Фидель» ул. Алексеевская, 15
 «Молоко» ул. Алексеевская, 15
 «Молоко Лето» ул. Б. Покровская, 52
 «Молоко Клуба» пр. Гагарина, 32
 «Молоко» ТРЦ «Фантастика», ул. Родионова, 187 в
 «Молоко Leto» ТЦ «Водный мир», ул. Янки Купалы, 30 а
 «Фидель» ТЦ «Ганза», ул. Родионова, 165, корп. 13
 Freakadely ул. Октябрьская, 6
 Butch&Dutch ш. Южное, 22 а

Арсенал Кремль, корп. 6
 Русский музей фотографии ул. Пискунова, 9 а
 Выставочный зал «Покровка, 8» ул. Б. Покровская, 8
 Нижегородский государственный художественный музей Кремль, корп. 3

Галерея FUTURO ул. Рождественская, 6
 «Кладовка» ул. Б. Покровская, 8
 Выставочный комплекс пл. Минина и Пожарского, 2/2

ТЮЗ ул. Горького, 145
 Театр драмы ул. Б. Покровская, 13
 Театр «Комедия» ул. Грузинская, 23
 Учебный театр Нижегородского театрального училища ул. Б. Покровская, 4 а

ННГАСУ ул. Ильинская, 65
 ННГУ им. Н. И. Лобачевского ул. Б. Покровская, 37; пр. Гагарина, 23
 НГЛУ им. Н. А. Добролюбова ул. Минина, 31 а
 Нижегородское музыкальное училище им. М. Балакирева ул. Бенетова, 5 в
 НИУ ВШЭ ул. Б. Печерская, 25/12

«Жук Жак» ул. Б. Покровская, 57
 «Никола Хаус» ул. Пожарского, 18
 Fabrika Hostel & Gallery ул. Рождественская, 24
 Ibis ул. Горького, 115
 «Привет, я дома!» Казанское шоссе, 6

POP'S ул. Большая Печерская, 38
 SOHO-STYLE ул. Белинского, 71/1
 Chop-Chop ул. Ошарская, 1/2
 Birdie ул. Звездинка, 24

Нижегородская филармония Кремль, корп. 2
 «Циферблат» ул. Ковалихинская, 4 а
 «Кварки» Казанское шоссе, 12, корп. 1
 Trood Tattoo ул. Пискунова, 27 а
 «Пшено» ул. Звездинка, 12 а
 «Орленок» ул. Б. Покровская, 39 а
 Intel ул. Тургенева, 30
 «Книжная галерея» ул. Володарского, 40
 «Салют» ул. Октябрьская, 9 а
 «Рекорд» ул. Пискунова, 11
 «Пастарама» ул. Пискунова, 15
 Приволжская Медиашкола ул. Невзоровых, 87
 Noot ул. Б. Покровская, 15
 «Зарница» пр. Гагарина, 114

«Монстр Совок восстал, как зомби, и утянул за собой постсоветскую Россию»

Писатель Владимир Сорокин, живущий в Берлине, жалеет молодых россиян и рассказывает «Селедке» об обновлении литературной крови, нелюбимых словах и важности 90-х

Интервью: Мария Гончарова, Лидия Кравченко

– Наш номер посвящен 90-м, как вы можете описать тот период, сильные и слабые его стороны? По чему из того времени вообще можно скучать?

– В то бурное десятилетие мне не писалось, был перерыв в семь лет между двумя романами. Это естественно – жизнь тогда сильно опережала язык литературы, за ней не успевали. Язык телевидения тогда правил бал. Вообще десятилетие было замечательное, впереди как бы распахнулось пространство надежд, оно, как аэродинамическая труба, засасывало всех нас. А люди всасывали новую информацию, литературу, музыку. Сейчас же в России впереди что-то мутное, клубящееся, пахнущее прошлым, в чем не видать просвета. И я постоянно слышу от молодых: «Мы не чувствуем своего будущего». Это трагично. Мне жаль молодых россиян. А скучать можно только по той надежде.

– Какие последствия того времени вы считаете по-настоящему важными для вас?

– В 90-е я стал публиковаться в Европе, книги переводились на разные языки. Меня стали приглашать на фестивали и конференции, пьесы стали ставить в европейских театрах. Появились новые друзья. В 1992 году в Берлине я получил престижную стипендию DAAD и год прожил в этом городе. Тогда же я написал несколько киносценариев, что было для меня впервые. Вышли фильмы. В России тоже стали выходить мои книги, но довольно хаотично.

– Часто сейчас можно встретить такие слова, которые характеризуют ту эпоху как «безумно интересное время», «время возможностей» и «единственный раз, когда мы с остальным миром попали в одну струю». Вы разделяете подобное мнение?

– Да, конечно, разделяю. Тогда казалось, что Россия оторвется от своего мрачного советского прошлого и поплывет в цивилизованный европейский мир. Увы, этого не случилось. В Европе тогда русских очень ждали, был большой интерес к России, но монстр Совок, которого так и не закопал Ельцин, восстал, как зомби, и утянул за собой постсоветскую Россию.

– Вы живете в Берлине, но при этом говорите, что вы не эмигрировали. Как тогда вы можете определить свое положение в Германии? И чем обусловлен выбор для жизни именно этого города?

– Я живу в Берлине и в Подмоскovie. Два места, с которыми у меня многое связано. В Подмоскovie я родился и вырос, а Берлин был первым западным городом, в котором я оказался еще в 1988 году. Тогда в него и влюбился. В Берлине хорошо жить весной и осенью, в Подмоскovie – летом и зимой. Но большую часть времени я все-таки провожу в Берлине. Это замечательный город, всегда распахнутый для всех и ничего от тебя не требующий, очень уютный, несмотря на архитектурное и социальное разнообразие. В нем особое пространство, в том числе культурное. Так что я живу в двух странах – тотального порядка и тотального беспорядка. Это стимулирует!

– Недавно состоялась ваша первая персональная выставка. Как и кем вы себя ощущаете в изобразительном искусстве? Расскажите про Мамонта, Пальца и Черепу – персонажей, которым посвящена ваша выставка, – кто они?

– Было такое безумие: на три года я стал художником, живописцем, вернулся к забытой профессии, написал 20 работ маслом в разных стилях с этими тремя персонажами. Цикл «Три друга» манифестировал любовь трех совершенно разных героев, которую я доказывал художественными средствами, кистью и красками. И еще были 10 графических листов. Выставкой доволен. Надеюсь, выйдет альбом. Но, написав последнюю картину, я сломал кисть и поставил живописную точку в этом занятии. Теперь есть что вспомнить.

– Вы вернулись к изобразительному искусству, но в одном из своих интервью говорите, что

«совмещать живопись и литературу трудно, это разные процессы, требующие своей, особой биомеханики». Так как же это получается сегодня? Что страдает в итоге?

– Да, совмещать это очень трудно. Два разных физиологических процесса: писатель сидит за столом, шевелит пальцами на клавиатуре; художник пляшет с палитрой и кистями у холста. Медитация и танец. За эти три года я похудел на шесть кило.

– Как вы считаете, какой должен быть культурный бэкграунд у вашего читателя (и должен ли он быть вообще)? И еще вопрос: тот, кто будет читать ваши книги, и тот, кто пойдет на вашу выставку, – это один и тот же человек?

– На выставке в Таллине были совершенно разные люди, были старые друзья и незнакомые эстонские зрители. Конечно, большинство понимали, что это живопись и графика писателя. По поводу культурного бэкграунда... Со времен советского андеграунда у меня появилось столько разных читателей и по возрасту, и по интеллекту, что их невозможно классифицировать. Да и книги у меня все разные. Наверное, все-таки это должны быть люди, знающие современную литературу.

– Вы планируете писать сценарии для фильмов? И как вы относитесь к уже написанным – они для вас так же важны, как остальные тексты?

– Очень важны. И я точно собираюсь продолжать. Это обновляет литературную кровь, инструментарий прозаика. Как сказал Набоков: писатель должен сделать из читателя зрителя. Он прав. И сценарная работа этому помогает.

– Кажется, что ваш последний роман «Манарага» довольно ясно обличает писательское ремесло, которое превратилось в индустрию. А как, по-вашему, должна развиваться литература? «Талант должен быть голодным»? Или обособленным, не связанным с рынком, но как тогда ему развиваться?

– В молодости таланту полезно быть голодным. Это случается само собой, потому что ты думаешь о достоверности описываемого мира и ни о чем другом. Если ты, конечно, честный творец, а не просто деляга. В 80-е у нас с женой иногда совсем не было денег, даже на автобус и метро, чтобы доехать туда, где можно их занять. Я заходил в автобус, кидал в кассу копейку, чтобы звякнуло, и говорил входящим: «Не опускайте, пожалуйста, пять копеек, я бросил десять!» Хватало на дорогу. Жили от зарплаты жены и до моих гонораров за оформление чужих книг. Но когда ты становишься профессионалом, то продажа рукописи становится традицией. От этого тоже надо уметь получать удовольствие.

– Когда книгу оценивают, что просто «ее не скучно читать», – это хорошо?

– Это высшая похвала. Когда мне говорят: «я проехал остановку в метро, читая вашу книгу», или «меня чуть не вырвало», или «я чуть не кончила», – я счастлив.

– Какие слова ваши самые нелюбимые?

– По-любому, типа того, сто пудов, я в шоке, мужчинка, мяско, момент истины, пир духа, дядечка, тетечка, бандюган, я вас услышал, телка – вот такого порядка.

– Чем вы сегодня можете похвастать в бытовом плане, не в творческом? Понятно, что вы художник и признанный великий писатель, а, например, лучше всего у вас получается селедку солить.

– Вот, насчет селедки: я обожаю готовить рыбу. Кстати, я согласился дать вашей газете интервью во многом из-за ее замечательного названия. Если бы она называлась «Стерлядка», «Нельма» или «Пелядь», оно было бы раза в два больше. Малосольная пелядь с черным хлебом и луком – это потрясающе. С кружкой хорошего пива... ммм! Но селедку я не солил, а часто жарил, когда жил в Японии. ☐

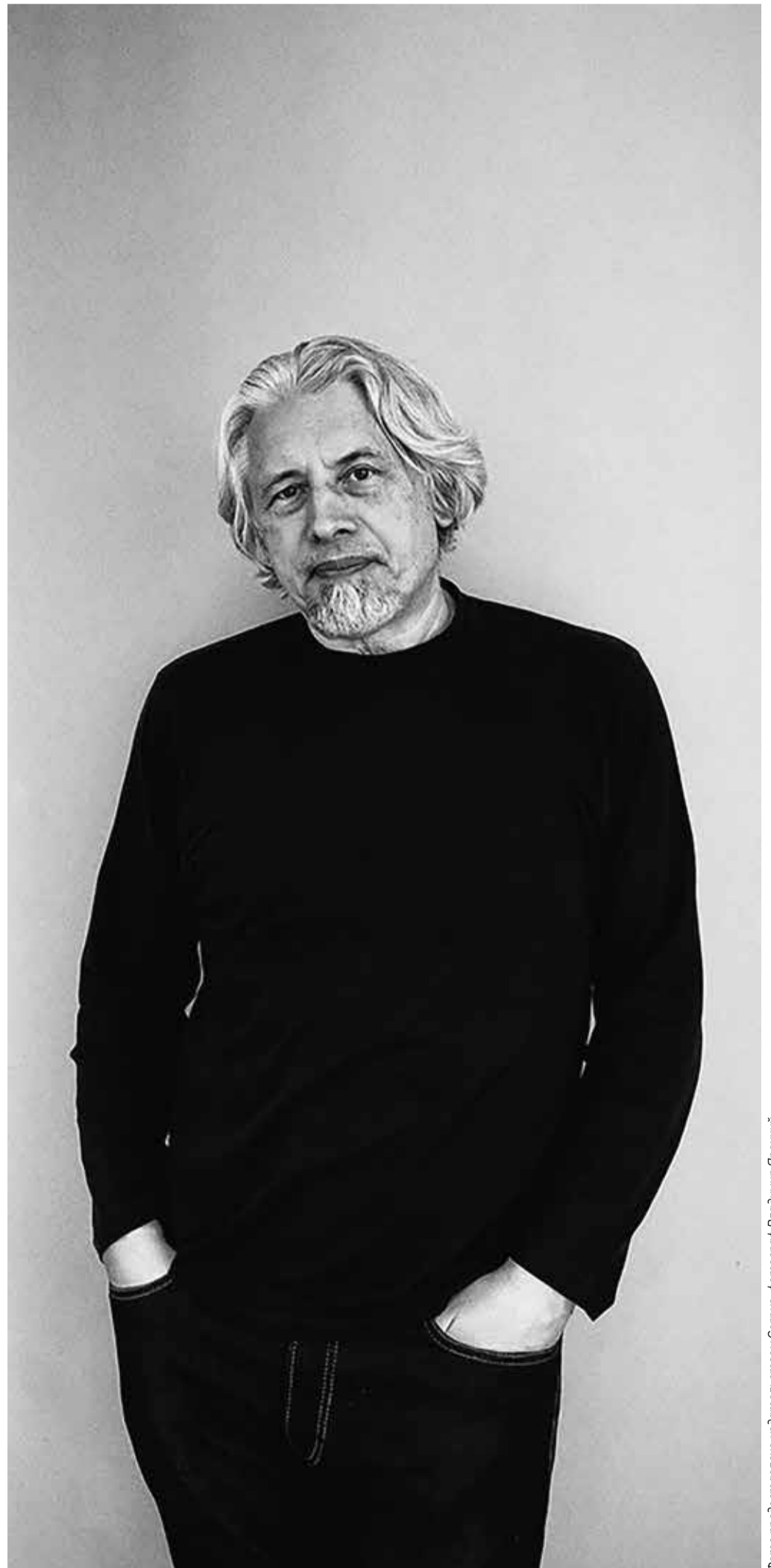

Фото предоставлено издательством Corbis, фотограф Владимир Яроцкий

Мода

Мода 90-х на подиуме: искусство почти даром

Как ни странно, но город, который лишь недавно превратился из Горького в Нижний Новгород, знал, что такое высокая мода, возможно, лучше, чем сейчас. Первые модельные агентства, популярный модный фестиваль «Золотой подиум» с участием множества дизайнеров, конкурсы «Смирнофф-дизайн» и «Русский силуэт» – в 90-е годы Нижний просто захлестнуло модной волной. Журналист Валентина Переведенцева расспросила очевидцев, как это было, и попыталась выяснить, почему нижегородской моды как таковой теперь нет

Фестиваль моды «Золотой подиум». 1996 год. ТЮЗ. Модель – Елена Кораблева

Нижегородский тур конкурса Международная премия дизайна SMIRNOFF FASHION AWARDS (SIFA), 1997 год. Театр драмы. Модели – Ирина Светлицкая (первая мисс Нижний Новгород–1996) и Елена Львовская

Фестиваль моды «Золотой подиум». 1997 год. Модельер Ирина Кондратьева

Директор модельного агентства «АСС» Елена Кораблева и директор агентства «Алфавит», продюсер проекта «Мотылек» Дмитрий Гительсон

Фотографии из личного архива Дмитрия Гительсона

Вечеринка «Клубный Мотылек». 1997 год. Ночной клуб «Пикассо»

Коллекция Анны Лесникова. Модель – Изабелла Федоровская

Вечеринка «Клубный мотылек». 1998 год. Ночной клуб «Пикассо». Модель – Максим Засыпкин

День рождения проекта «Мотылек». 1997 год. Ночной клуб «Пикассо»

Время WOW

Максим Засыпкин, дизайнер и модельер:

– Как в 90-е годы можно было стать модным дизайнером? Случайно. Мода моего детства – это одежда обычного советского ребенка: донашивание одежды за братьями, какие-то вещи из уцененки (не путать с комиссионной, где можно было купить импортные шмотки). Три одинаковых клетчатых пальто разного размера, купленных на вырост, которые я и носил, пока рос, – видеть их уже не мог! Но моя мама считала, что главное – «сыты, чисто одеты, домашним уютом обставлены». Всё остальное, по ее мнению, было не так уж и важно.

Однажды Марина Альбертовна, любимая учительница рисования, рассказала, что один ученик из другой школы выучился шить и теперь одевает себя сам по модным журналам. Это перевернуло мое сознание. Когда у нас начались уроки труда, то и с токарным станком все у меня получалось отлично, но я видел, как девочки учатся шить, и это стало навязчивой идеей.

В 1992 году я поступил в швейный лицей на специальность «Портной верхней мужской одежды». На втором курсе у нас сменилась мастер и невзлюбила меня – до сих пор не понимаю, за что: ругала, что шью левой рукой, и прогоняла в театральную – все равно, мол, не будешь работать по специальности. Но я хотел не столько профессию получить, сколько научиться себя же одевать.

В июне 1994 года, после второго курса, команду КВН нашего лицея отправили в студенческий лагерь в Анапу как победителей. Отдыхали там ребята со всей страны. Однажды руководство объявило, что от каждого города требуется самодельный номер. Все в основном пели-танцевали-юморили, а меня осенила идея сделать коллекцию, ведь мы все-таки швейники. Наш руководитель тогда поддержала мою идею и тем самым, как я считаю, открыла мне дорогу в будущее. С идеей и эскизами коллекции, которую назвал «Бумажная леди», я пришел в профком. Идею поддержали и распорядились выдать мне пачку хороших плотных ватманов, новых хрустящих простыней и клей ПВА. Оставшиеся две недели до конца смены мы с девочками трудились и на прощальном вечере произвели фурор. Коллекцию даже решили оставить для музея лагеря. А по возвращении в Нижний руководство нашего лицея распорядилось ее повторить – и я это сделал с еще более сложными моделями и элементами. Это стало зарождением моего Театра параллельной моды, который возник в 1995-м.

Мы шили немислимые костюмы и ездили с ними по дискотекам и ночным клубам. Это было ново и необычно, нам даже платили – хватало, чтобы повеселиться в том же клубе и на такси домой доехать. Не было средств на дорогие ткани, да и с самими тканями были большие проблемы. В ход шли занавески, пленка для мульчирования, тельняшки, которые я разыскивал по всем военторгам. Еще до того, как возник «Золотой подиум», в ресторации «Охотник» в парке Пушкина проходили закрытые вечера с презентацией модельеров. Зал был битком – людям хотелось зрелищ. А для меня как дизайнера было важно присутствие среди зрителей тех, кто торговал одеждой. Там меня заметили владельцы магазинов «Большая мода» и молодежной одежды «Хэллоу», с их подачи мои вещи стали продаваться.

Это сейчас мода превратилась в фастфуд, а линии кутюр вообще как таковой не существует. А тогда кутюр правил балом, никто еще не слышал ни про какой кэжуал, и дизайнеры самовыражались так же, как художники, пишущие картины. На улицах царил сплошной унисекс – короткие стрижки, одинаковые джинсы, серое и черное.

Потом, когда Келвин Клайн открыл миру Кейт Мосс в образе «героиновой шика», макияж панды обрел романтическое название «смоки айс», а в моду вошли приглушенные, запыленные цвета. На фоне этого здорово выделялись

люди-фрики в ярких «Мартинсах», х/б сарафанах, с какими-то цветными косичками.

Это было очень драйвовое время: у нас ничего не было – и вдруг железный занавес рухнул, Горький стал открытым, появилось то, что до этого мы могли видеть только по телевизору. Сейчас, конечно, то, что тогда было вау, стало нормой жизни.

90-е – не лихие, а потрясающие

Дмитрий Гительсон, в 90-е – телевизионный продюсер и создатель программы «Мотылек»: – Я не считаю 90-е годы темными, криминальными и лихими. Для Нижнего Новгорода это было безумно интересное креативное время, и у меня есть масса документальных тому подтверждений, в том числе фото- и видеоархив, который говорит сам за себя. И нижегородский модный взрыв девяностых – это аргумент в пользу эпохи.

Конечно, еще в советские годы в нашем городе существовал прекрасный Дом моделей, но он жил своей закрытой

жизнью. И вдруг в 1995–1996 годах появились новые самоуверенные люди, мечтающие делать в Нижнем модную индустрию, которой никогда здесь не было: коллекции одежды, дизайнерские студии, модельные агентства, фестивали моды. Только представьте: в конце 90-х в Нижнем проходило три ежегодных фестиваля моды, работало несколько десятков интересных модельеров, ателье, фабрик, домов моды. Это сейчас, если вы выйдете на улицу и попросите назвать нижегородских дизайнеров, то люди вспомнят разве что Максима Засыпкина, может быть, назовут Павла Рябинина. А тогда на подиумы вышло целое поколение талантливых дизайнеров, и мы все, кто работал в медиа, считали своим долгом пропагандировать модное движение, чтобы нижегородцы этих людей знали и гордились ими. Центрами жизни были модные показы и, конечно, конкурсы дизайнеров одежды. Сначала появился фестиваль «Золотой подиум» Лены Кораблевой, затем конкурс «Смирнофф-дизайн» и «Платье года», которые продюсировало наше агентство «Алфавит». Телевизионная программа «Мотылек», которую мы делали в те годы, считала своей миссией освещать события культурной, модной, светской и ночной жизни Нижнего Новгорода – причем даже в клубах тогда были не банальные вечеринки, а продуманные мероприятия со сценарием и режиссерскими постановками. И еще это были очень красивые люди – посмотрите на их лица.

Мода 90-х на улице: рынки, самопошив и китч

Одеться в 90-х – совсем не то же самое, что сейчас. Желание выделиться и при этом отсутствие денег и выбора заставляли людей носить либо заурядные, либо просто невероятные вещи. Публикуем, кого и в чем можно было тогда встретить на улицах города

Сергей Попов

В 1990 году: студент железнодорожного техникума
Клетчатые брюки: в начале 90-х была популярной песня «Любэ» про клетчатые брюки. Благодаря этому, как тогда говорили, шлагеру я чувствовал себя модным, но брюки мама мне не шила – она достала их в магазине «Детский мир» (сейчас – здание Нижегородской ярмарки). Что-то дефицитное из одежды там продавали не с центрального, а с боковых выходов. Носил я их долго, но не потому, что они были очень качественными. Секрет долготеления был в том, что их было две пары – максимум, который можно было унести «в одни руки».
Ремень: купил сам за бешеные по тем временам деньги – 10 рублей. Продавали его с машины рядом с тем же «Детским миром». В этой красной шестерке еще приторговывали аудиокассетами.

Елена Кузнецова

В 1992 году: учительница музыки в музыкальных школах № 2 и 10

На Елене (на фото – справа)

Белая кофточка: досталась от мамы. Она связала ее лет за тридцать до этого из обычных катушечных белых ниток.

Юбка: шила сама, даже не по выкройкам из «Бурды», как тогда делали многие, а просто наобум. Ткань, из которой она сделана, – так называемый обтирочный материал, его выдавали на ГАЗе, у меня там работала крестная. Естественно, что-то уносилось домой, и мы шили из него одежду.

На дочке Лиде (девочка слева)

Красный сарафан: тоже шила сама из обтирочной ткани ГАЗа. Еще у Лиды была шуба из норичневой цыгейки и танковых штанов, специально скроенная регланом, чтобы можно было ее наращивать. Сшили, когда ей был год, а носила она ее в результате до пятого класса школы! Одежда тогда стоила дорого и была очень низкого качества. Я работала на две музыкальные школы, зарплату задерживали. В конце года в одной из школ перечислили все деньги разом, и на всю эту сумму я купила на барахолке на Покровке простежку черную футболку. Еще и добавить пришлось – не хватило.

Анна Белова

В 1996 году: ученица школы № 48 Прионского района

Белая кофта: трикотаж из Чувашии – водолазка, у которой я просто отрезала горло, случайно оголив одно плечо. Поскольку уроки труда были посвящены кривым ночным рубашкам, шить я нормально не научилась, и горловина была обметана шелковой лентой на манер средневековых платьев.

Брюки-стрейч: купила в киосках на Чернопрудном рынке. Они были вполне приличными, носились даже в школу. Потом, правда, когда поставила на них каное-то пятно, я перекрасила их акриловой краской и обсыпала блестками – в таком виде ходила в них в клубы.

Перламутрово-белые босоножки на платформе: купила при закрытии магазина итальянской обуви, который был рядом с площадью Лядова. Слова «распродажа» я тогда еще не знала, но это была она. Пятисантиметровая платформа и девятисантиметровые каблуки – настоящие модные «копытца», почти как у Spice Girls. Они были неубиваемые: я даже играла в них с мальчишками «в квадрат» – популярную в то время игру в мяч. Живы до сих пор, сейчас их носит моя 20-летняя сестра.

Константин Лоскутов

В 1993 году: старший лейтенант

Военно-космических войск

Джинсовки: очевидно, в начале

90-х со шмотками все было плохо,

особенно с детскими. Я в то время

служил на Дальнем Востоке, как раз

открылась граница с Китаем, от-

куда пошел ширпотреб: спортивные

костюмы, плащи, пуховики, джинсы.

По заказу друзей возили в Нижний

вещи (стоило все в пять раз дешевле,

чем в Москве), вырученные деньги

тут же пропивали. Ха-ха, шутка.

Мой сын и дети друзей на фото – ко-

манда «А» в фирменных шанхайских

джинсовках.

Евгений Маресев

В 1995 году: токарь-расточник и отец двоих детей

На Евгении (крайний слева)

Кожаная куртка: куплена на Канавинском

рынке вместе с жилеткой и стоила 1500

рублей. Само фото сделано уже под за-

навес 90-х, но куртку с жилеткой покупали

в 1995-м – только сыграли свадьбу и решили

таким образом потратить деньги, кото-

рые нам подарили гости.

На сыне Андрее (крайний справа)

Кожаная куртка, штаны, ботинки: всё,

кроме бейсболки, отдали соседи. В те годы

мы жили на Автозаводе большой семьей:

в двух квартирах на один тамбур помеща-

лись мы с женой, сыном и дочерью, отец с ма-

терью, а также четыре мои сестры, трое

из которых тоже были замужем и с детьми.

С работой было непросто, и соседи, зная про

наше финансовое положение, все более-ме-

нее добротные вещи приносили нам, за что

мы были очень благодарны.

Ирина Панченко

В 1996 году: редактор еженедельника «Биржа плюс

карьеря»

Классический деловой костюм Verley: в начале

девяностых с одеждой было совсем плохо. На счастье

приличных дам, в Нижнем появилась компания Verley,

которая выпускала небольшие партии очень недур-

ственных нарядов из привозных тканей. У меня было

два их костюма – для зимы в классическую бежевую

клетку и летний с жакетом из итальянского льна-

соломки и летящей шифоновой юбкой.

В клетчатом я провожала среднего сына Сашу

в первый класс, старшего Диму – в десятый.

А с летним была связана забавная история: в том

году в Нижний приехали Вишневецкая с Ростропо-

вичем – подписывать в Нижегородском банкир-

ском доме договор с областью о вакцинах против

гепатита. Естественно, все журналисты в востор-

ге. Я в этом летнем соломке-шифоне от Verley и... Нина

Зверева в точно таком же. Мы очень смеялись, ког-

да одновременно подошли к Ростроповичу. Костюм

тот храню, юбку очень долго носила, да он и сейчас

хоть куда – такая элегантная классика.

Конечно, Елена Кораблева и ее «Золотой подиум» сыграли в этой истории одну из главных ролей. Можно, конечно, считать случайностью, что мода в Нижнем Новгороде закончилась в начале 2000-х, когда Лена уехала в Санкт-Петербург, но мне кажется, что это хороший ответ на вопрос о роли личности в истории. Модельные агентства остались, дизайнеры продолжали открывать ателье, а вот моды как тренда, как движения, как культурного явления уже нет.

Я считаю, что шанс у нижегородской моды был. Если бы кто-то из руководителей города или области в то время посетил, что развитие этой отрасли перспективно для Нижнего и сделал ставку на моду и легкую промышленность, то, возможно, мы не попали бы в тот творческий застой, в котором находимся сейчас.

Творчество даром

Елена Иванова (Кораблева), основательница модельного агентства «АСС», организатор конкурса «Золотой подиум»:
– В начале 90-х в Нижнем Новгороде было затишье после распада Дома

моделей и кризиса в стране. Но вот пришел молодой губернатор Немцов, и активность появилась во всех сферах: радио, телевидение, молодежное движение, реклама. Неожиданно быстро собрался актив организаторов фестиваля моды – я была одной из многих. Правда, в процессе у всех оказались свои дела – осталась одна я и Михаил Мирный с молодежной организацией «АСМ». О трудностях мы тогда не думали – просто делали все, что возможно, чтобы было интересно и близко к мировым тенденциям.

На первый «Золотой подиум» пришли в основном студенты и городские активисты. Потом билеты продавались как на шоу, и приходили все: кто на красивую одежду посмотреть, кто – на девушек.

Со временем благодаря конкурсу выросло много ярких дизайнеров, нашлись фотографы, рекламные агентства и другие компании, заинтересованные в развитии. Многие дизайнеры хорошо продавались, но, к сожалению, не смогли перейти на более массовое производство либо сразу уехали в Москву.

Трудности наступили позже, когда в плане организации конкурса и затрат на него мы реально подросли до мирового уровня: модели, звук, свет, дизайн, постановка, оформление... А дизайнеры так и не были готовы платить за участие, оставаясь по-прежнему маленькими ателье.

Конечно, я бы придумала, как решить и эту проблему, но в связи с переездом моей семьи в Санкт-Петербург многие идеи так и не получились реализовать. Мировым или даже просто российским маркам реклама в Нижнем Новгороде так и не стала интересна. Вся активность переместилась в столицу, а в моем модельном агентстве «АСС» появились девушки, востребованные на мировом уровне, и это стало моим новым направлением работы.

Сейчас я – главный букер в международном агентстве Andy Fiori Models, мы создаем и развиваем карьеры моделей за рубежом, это бизнес большой и успешный, а в Нижнем, в воспоминаниях, осталось классное время бурной активности и творчества даром, для всех.

С модой в России – как с футболом

Евгения Чкалова, основатель и руководитель модельного агентства «Евгения»:
– Я окончила Нижегородское училище культуры с красным дипломом, а в 1992 году попала в состав Испанского

театра моды. Огромный кастинг – мой номер на выступлении был 404-м! Перед Олимпиадой мы ездили по испанским городкам и представляли «новую Россию». После той поездки я поняла, что хочу быть связана только с миром моды.

Вернувшись, пришла на практику в ДК имени Свердлова, и в 18 лет открыла там студию «Имидж-класс». Занималась с девочками, некоторые из них были даже старше меня; мы участвовали в показах нижегородской фабрики «Весна». Потом прочитала в газете «Студия-НН» о том, что Елена Кораблева собирается проводить первый фестиваль «Золотой подиум», и загорелась в нем участвовать. Не помню, пригласили нас или я сама позвонила Елене, но мы действительно стали участниками этого и последующих «Золотых подиумов», успешно развивались дальше – не без конкуренции, конечно.

Сейчас, когда Кораблева уехала в Санкт-Петербург, наше многолетнее соперничество закончилось тем, что мы плотно общаемся и поддерживаем друг друга: я ищу новые лица в Нижнем, она занимается продвижением наших моделей за рубежом. Последний раз мы встречались этой весной на Неделе высокой моды в Париже.

Сама мода 90-х годов была, конечно, аляповатой и кричащей, но, мне кажется, это общая тенденция: чем беднее полки магазинов и сложнее жизнь, тем

ярче одежда. В целом же у нас с модой примерно как с футболом: это исторически сложное для российской культуры явление. А вот с модельным бизнесом, в том числе в Нижнем Новгороде, все гораздо лучше: у нас масса интересных лиц и девушек, которые работают по всему миру и которыми мы можем гордиться, и это не только Наталья Водянова.

Если сравнивать тех, кто приходил в модельные школы в 90-х, и сейчас, то, во-первых, в целом девушки стали более полными; во-вторых, более инфантильными; в-третьих, совершенно не умеют носить каблуки, даже стоять на них. Все повально носят балетки, а это сильно влияет на походку, осанку, девичью статью. Когда мы в свое время ходили по улицам – машины гудели вслед!

При этом отношение к профессии модели как тогда, так и сейчас остается неоднозначным. К сожалению, тут мало что изменилось, и я до сих пор в незнакомой компании стараюсь не афишировать, в каком бизнесе работаю. Были и есть аферисты, которые под вывеской модельного агентства предлагают эскорт-услуги и не только. Но в то же время есть специалисты, которые занимаются «чистым моделингом» и делают своим протезом прекрасную карьеру: надо всегда проверять, есть ли у агентства история, успешные кейсы и работающие в разных странах модели. ■

«Вечер трудного дня», «Один дома», «Глаз-алмаз»: что смотрели по ТВ в 90-е

Девяностые годы были, несомненно, золотым временем для телевидения, в том числе нижегородского, – попадание в ящик по уровню престижа сравнимо с полетом в космос, энтузиазм и идеи бьют через край, а в кадре можно практически все. Основатель паблика «Орбита-4» Александр Павлов вспоминает несколько особенно ярких моментов и программ того времени: хронику происшествий практически без тормозов, лучшую программу для подростков, легендарного кукольного Штокола, шутки про ампутацию и погружение в мир городского лакшери времен Немцова

«Вечерний звон» («Сети НН»)

«Глаз-алмаз» («Сети НН»)

«Мотылек» (ННТВ)

«Один дома» («Сети НН»)

«Понедельник» с Александром Блудышевым и Ильей Ластовым (ННТВ)

«Вечер трудного дня»/«Полдень трудного дня» («Сети НН»)

«Вечер трудного дня»/«Полдень трудного дня» («Сети НН»)

На первый взгляд, обычная криминальная хроника, с завидной регулярностью превращавшаяся в духовного наследника программы «600 секунд». За неоднозначный подход к выбору сюжетов и общий градус безумия зрители довольно быстро стали называть ее не иначе, как «Вечер трупного дня», что, впрочем, не мешало им с удовольствием фотографироваться на фоне знаменитой «Волги» съемочной группы. Возможно, это самая известная нижегородская передача в масштабах страны: лет семь назад небольшая эфирная компиляция под характерным названием «Санаторий Сатаны» (в главных ролях бомжи, пьяницы, сумасшедшие и такса) угодила в YouTube-шоу «+100500» и до сих пор имеет определенный успех. Впрочем, отдельные сюжеты из конца девяностых и без всякого шок-контента вроде залитых кровью подъездов и погибших в ДТП водителей крупным планом все равно производят мощный эффект: где еще увидишь сюрреалистическую историю о крайне расстроенном человеке, которому какие-то злодеи продали неправильный настенный календарь со сдвинутыми на день вперед датами. «Вечер» (и «Полдень») продержались с 1997 по 2009 год, на этом и закончилась эпоха бытовых трагикомедий на «Сетях» – и сложно сказать, стоит ли об этом жалеть.

«Глаз-алмаз» («Сети НН»)

Одна из главных детских передач Нижнего, по сути, близкий родственник «Спокойной ночи, малыши!», которая строилась вокруг странного антропоморфного существа по имени Штоколо (до сих пор остается загадкой, почему персонажа назвали украинской фамилией) – он был классным, желтым и носил колпак. Ведущие-люди скрывались под псевдонимами ТелеВина, ТелеВитя и Визольна; особенно всем нравилась ТелеВина (актриса драматического театра Наталья Заякина, которая, к сожалению, скончалась в декабре прошлого года) со своей неизменной шляпой с антенной. При этом периодически герои покидали телевизор и ездили с выступлениями, например, по школам. В середине нулевых, после восьми лет работы в детском

вещании, Заякина продолжила развивать свою театральную карьеру и перешла в московский «Ленком», что в итоге и привело к закрытию «Глаза-алмаза», однако ТелеВинку с большой теплотой продолжает вспоминать целое поколение уже давно выросших детей.

«Один дома» («Сети НН»)

В высшей степени прекрасная подростковая программа, которая при повторном просмотре спустя двадцать лет кажется еще лучше. Нарисованная на колёнке заставка с лисичкой и дискотечный хит Bad Bad Boys в качестве фоновой музыки, обсуждения классических teenage problems (как не бесить родителей, куда сводить девушку на свидание, как не паниковать во время первого секса) с привлечением взрослых экспертов, сюжеты про относительно недавно появившиеся увлечения (к примеру, секции карате), трогательные интервью со зрителями (очень часто у них дома на фоне многочисленных ковров) и тому подобное. Отдельное место занимали клипы, из которых потом формировался хит-парад: Kris Kross, Dr. Alban, «Мальчишник», Pet Shop Boys, Майкл Джексон и знаменитые пинфлойдовские шагающие молотки из «Стены» Алана Паркера. Обратная связь, разумеется, поддерживалась посредством бумажных писем: «Уже полгода к нам в редакцию приходят письма с аккуратным почерком и подписью Lady N., но мы раскрыли тайну и нашли нашу верную поклонницу», кто-то из авторов любит группу «На-на» и ищет себе друзей не старше десяти лет, кто-то жалуется, что занятия штангой и спортивное питание с целью стать «мускулатурщиком» – это трудно. Чистейший заряд ностальгии и умиления.

«Телебой» («Сети НН») и «Джойстик» («Волга»)

На фоне всеобъемлющего увлечения приставками «Денди» и «Сига» (да и вообще играми на ПК) телевидение не могло остаться в стороне, причем в Нижнем ставка делалась не на простые обзоры, а на интерактив. В «Телебое» парни лет девяти рубились между собой в «Соника», причем победители иногда давали совершенно душераздирающие интервью, из которых выяснялось, что собственных

приставок или тем более домашних компьютеров у них просто нет, а идти играть приходится к двоюродному брату или к маме на работу. «Джойстик», в свою очередь, копировал формат программы «Позвоните Кузе», правда, управлять игрой приходилось не нажимая кнопки на телефоне, а отдавая указания специальному человеку, что по нынешним меркам выглядит некоторой дикостью.

«Понедельник» с Александром Блудышевым и Ильей Ластовым (ННТВ)

Целый видеоканал (примерно пять часов вечернего эфира), построенный на бешеном энтузиазме двух человек: «Солдаты! Матросы! Верьте в удачу! Блудышев-Ластов ведут передачу!» Помимо интервью с приезжими звездами и прочего авторского контента, телезрителей ждал обязательный показ какого-нибудь голливудского фильма: в ход шли и боевики, и теперь уже классическая фантастика вроде «Чужого», и разнообразные комедии. Впрочем, свою долю популярности обаятельный тандем получил еще в позднеперестроечные времена – например, за передачу «Светский лев», где Блудышев, Ластов и артист музыкального театра Сергей Миндрин в пародийном ключе изображали утонченных деятелей высокой культуры. В итоге шоу оставалось в эфире шесть лет, с 91-го по 97-й; те, кому сейчас за тридцать, наверняка с благодарностью вспоминают эти развлекательно-кинематографические вечера.

«Мотылек» (ННТВ)

Вестник красивой жизни на ННТВ, выходивший с 1996 года: интервью с моделями, обзор ночных клубов (кроме главной характеристики «здесь так же дорого, как и в предыдущих», встречались и довольно странные приметы времени: «в баре вкусные сосиски», «а тут можно послушать Сережу Кристовского», который, понятное дело, тогда еще даже не помышлял о создании группы Uma2rman), репортажи с модных показов и истории про местные театральные постановки. Несмотря на то что ведущих у «Мотылька» (порой для их обозначения даже использовалось чудовищное слово «мотылесса») было несколько, самой яркой из всех была жгучая блондинка Екатерина Одинцова – на тот

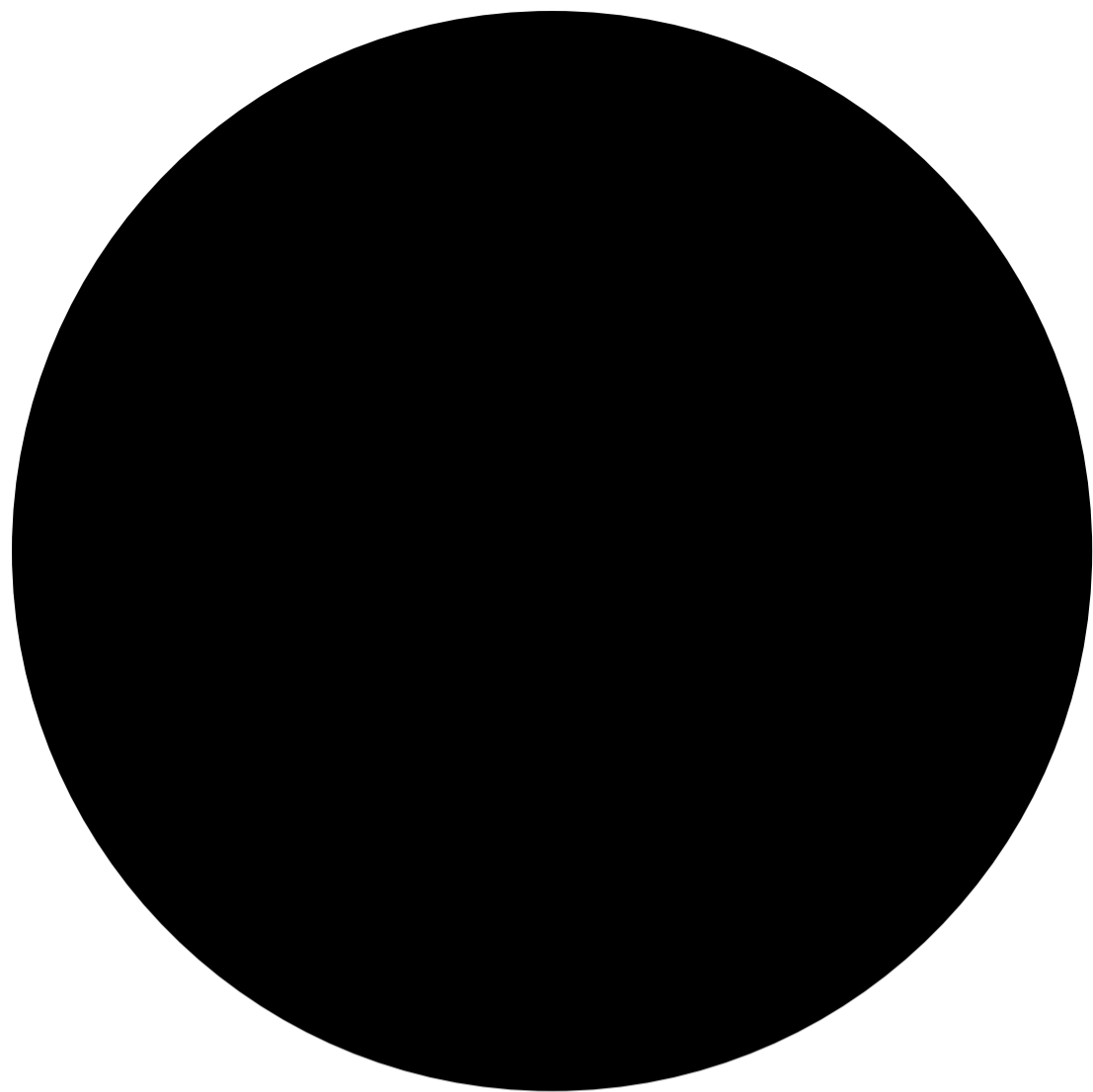
момент уже находясь в статусе любимой женщины губернатора Немцова. Жизнь у нее в целом действительно сложилась красиво: переезд в Москву, работа в бумажном и телевизионном глянце и двое детей от Бориса Ефимовича. А программа так и осталась памятником эпохи позднего Ельцина и еще не пришедшего августовского дефолта.

«Для тех, чья душа не спит» («Волга»)

Крайне редкий пример долгоиграющего проекта (первый выпуск вышел в 96-м), который по всей логике должен был прекратиться с началом нулевых одновременно со всеми передачами а-ля «Третий глаз». Но нет – все основные панчлайны про биополе, осознанные сновидения, йети, Гиперборею, Шамбалу, магические практики и боевую парапсихологию до сих пор на месте. Подбор гостей тоже был соответствующим: за все время в студии побывали, кажется, все известные персонажи, так или иначе связанные с непознанным, от уфолога Вадима Чернوبرова до авторов разнообразной эзотерической литературы, ряженых гадалок и откровенных безумцев вроде Николая Левашова. Судя по неугасающей популярности среди тех, чья душа не спит, нельзя исключать, что когда наступит Апокалипсис (хочется верить, не скоро), передача обязательно покажет его в прямом эфире.

«Вечерний звон» («Сети НН»)

Комедийное шоу дуэта театральных артистов Сергей Блохин – Сергей Кабайло, воплощавшее в жизнь принципы программы «Городок». Собственно, до появления «Городка» проект юмористической передачи не хотел всерьез рассматривать ни один телеканал, однако в 1997 году «Вечерний звон» все-таки запустился. Если закрыть глаза на особенности реприз (сюжеты о докторе Трепанашкине и Ампуташкине, посвященные соответственно трепанациям и ампутациям, – это, конечно, еще не за гранью добра и зла, но где-то близко), то программа заслуживает всяческого уважения: Блохин и Кабайло ухитрились параллельно с серьезными классическими спектаклями сами писать сценарии, снимать и даже монтировать – сейчас представить подобное на телевидении просто невозможно. □

Выставка
о возвращении
памяти

Куратор:
Артем Филатов

Художники:
Андрей Дружаев
Андрей Оленев
Александр Лавров
Антон Мороков
Иван Новиков
Лена Топтунова
Фло Касеару
Яков Хорев

Музей
нижегородской
интеллигенции
ул. Максима
Горького, 127

Понедельник _____ выходной;
Вторник _____ выходной;
Среда _____ с 16:00 до 20:00;
Четверг _____ с 16:00 до 20:00;
Пятница _____ с 16:00 до 20:00;
Суббота _____ с 13:00 до 20:00;
Воскресенье __ с 13:00 до 20:00.

Обратно домой

С 15 сентября
по 29 октября
Вход свободный.

intelligentsia-museum.ru

При поддержке:

Партнеры:

Информационные партнеры:

Оболгать и потопить

Как делались выборы в 90-е

Сергей Данюшин

1 апреля 1998 года. Предприниматель Андрей Климентьев, избранный мэром Нижнего Новгорода, пытается пройти в здание областной администрации на пресс-конференцию губернатора Ивана Склярова по удостоверению кандидата в мэры

В 90-е Нижний Новгород числился городом передовым и даже носил неформальное звание столицы реформ. На выборах самая прозападная по тем временам партия СПС (Союз правых сил) традиционно набирала в Нижнем один из самых высоких процентов по России, а каждый второй нижегородский политик проходил по ведомству младодемократа, и многим казалось, что вот эти румяные и задорные комсомольцы со дня на день придут в Кремль (который на Красной площади в Москве) и построят новую Россию. В итоге, как известно, в Кремле оказались более скучные и прагматичные люди из Санкт-Петербурга, а реформы по большей части обернулись примерно ничем. Но движуха была будь здоров. Неотъемлемой частью становления молодой демократии, естественно, стали выборы. Поскольку выборные кампании в их традиционном для демократического (да и квазидемократического) общества виде для России были в новинку, правила игры формировались на ходу, тут же нарушались и переписывались заново, процесс со стороны выглядел диковато. Недаром у многих выборных технологов в нулевые были проблемы с устройством на более традиционную работу: работодатели их просто боялись, числа, зачастую небезосновательно, полными отморозками и беспредельщиками. Как пела группа «Кровосток»: «Мы умели отдохнуть красиво...»

Как Нижний Новгород стал не только столицей реформ, но и полигоном отдельных выборных и околовыборных технологий, со слов старших товарищей пересказывает Сергей Данюшин.

«Чернуха» как показатель небывалого профессионализма

Миф о всеисилии выборных технологов родился благодаря листовкам. Сейчас в это сложно поверить, но на первых альтернативных выборах депутатов Съезда народных депутатов СССР в 1989-м именно они стали эффективным инструментом победы. Большинство кандидатов не очень понимали, как вести себя на конкурентных выборах, и предложение напечатать и расклеить (или раскидать по почтовым ящикам) листовки, чтобы повысить узнаваемость, выглядело по-настоящему прорывной технологией.

И совсем уж в состоянии экстаза вводило заказчиков слово «чернуха». Термин «черный PR» был локализован российскими технологами с геббель-

совским бесстыдством. Пожалуй, одним из самых ярких примеров «божьей росы» стала история с известным продюсером, генеральным директором «ОРТ-реклама» Сергеем Лисовским. В 1998 году он проиграл выборы в Госдуму по Дзержинскому одномандатному округу юристу Ардалену Пантелееву с разрывом в десять процентов. Лисовского небезосновательно называли рекламным олигархом, и даже страшно представить, сколько денег он потратил на свою предвыборную кампанию. Однако все его усилия были сведены на нет скромной листовкой, накануне выборов расклеенной на округе на дверях подъездов. В ней от имени вдовы убитого в 1995 году журналиста Владислава Листьева Альбины сообщалось, что непосредственным заказчиком убийства является именно Сергей Лисовский. Доказательная часть ограничивалась парой абзацев, в которых вкратце пересказывались действительно ходившие по Москве слухи о том, что у Лисовского с Листьевым был конфликт, связанный с делом рекламного рынка. Этого оказалось достаточно, чтобы за день до голосования фактически пустить под откос дорогостоящую предвыборную кампанию кандидата Лисовского. Вера печатному слову оказалась столь сильной, что Альбине Листьевой пришлось распространять официальное заявление, что к этим листовкам она никакого отношения не имеет.

Со временем доверие к подобным агитационным материалам сошло на нет вместе с доверием к СМИ вообще. Сейчас обыватель не верит не то чтобы анонимным листовкам, но даже Первому каналу с «Дождем». Однако в 90-е Россия была, как любили говаривать технологи, краем непуганых избирателей. И «сделать чернуху» долгое время считалось признаком небывалого профессионализма предвыборного штаба.

Следующим этапом стали поддельные агитматериалы, выпускаемые якобы от штаба оппонента. В них кандидат озвучивал традиционные для региона жууплы. В Нижнем это обычно оказывались полигон ядерных отходов, строительство АЭС, принудительное обращение всех жителей в сайнтологию и, естественно, нестареющий и актуальный для всех регионов хит – строительство дополнительных рынков и при них общежитий для выходцев из республик бывшего СССР. Поскольку активным игроком на местных выборах часто так или иначе выступало «Нижновэнерго», обязательным элементом программы было яко-

бы обращение главы РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса с призывом поддержать того или иного кандидата.

Технология эта просуществовала дольше, чем позволяет предположить хотя бы минимальная вера в людей как разумный вид. Достаточно сказать, что когда в 2004 году жена губернатора Нижегородской области Геннадия Ходырева Гулий Теплякова баллотировалась в Госдуму в том же Дзержинске в 2003 году, на ее округе распространялись комиксы (комиксы, Карл!) «Дзержинский джихад» с подзаголовком «Узбекская и чеченская мафии и их ставленница Гулий Иргашевна».

«Чернуха» долгое время кормила не только технологов, но и местных жителей. Агитационные материалы нужно было разнести, причем, поскольку де-юре их распространение является уголовно наказуемым деянием, делалось это ночью. Задача усложнялась тем, что оппоненты формировали «группы зачистки», задачей которых было вынуть из ящиков и сорвать со столбов незаконные агитматериалы, а в идеале – отловить распространителей и с помощью кулаков и доброго слова убедить их отказаться от идеи распространения.

Волжский шлюз как инструмент демократии

В фильме «Слишком свободный человек», панегирике покойному Борису Немцову, есть эпизод, где он накануне президентских выборов 1996 года рассуждает, что неминуемая, как тогда многим казалось, победа лидера КПРФ Геннадия Зюганова станет нормальной частью политического цикла в новейшей истории России. На этом месте принято доставать носовые платки и поминать свободу, которую мы потеряли. Однако не стоит забывать, что в то время Немцов был губернатором Нижегородской области и принял самое активное участие в фальсификации выборов в пользу Бориса Ельцина, о которой сейчас уже принято говорить как о сложившемся факте. Технология влияния на подсчеты результатов, которую сейчас иронично называют «работой с комиссиями», а после протестов 2011 года и вовсе стали именовать чуровщиной (от фамилии тогдашнего председателя Центральной избирательной комиссии Владимира Чурова), была успешно обкатана в Нижегородской области. В результате во втором туре Борис Ельцин набрал в Нижегородской области 51,74 процента против 42,35 у Геннадия Зюганова, Нижегородский регион стал одним из тех, которые обеспечили переизбрание действующего президента России. Безусловно, можно предположить, что молодой и наивный губернатор Немцов ничего об этом не знал, равно как и на должность вице-премьера России после этих выборов был приглашен как молодой и перспективный политик. Однако доподлинно известно, что и он поддался всеобщему цинизму предвыборной кампании и пару раз чуть не подтопил Нижегородскую область, задерживая агитационные пароходы других кандидатов в президенты. (Естественно, парохода в поддержку Ельцина, везшего концертную программу «Голосуй или проиграешь», это не касалось.) Использование административного ресурса против агитационных пароходов конкурентов, кстати, нашло отражение в первой части фильма «День выборов».

О своей любви манипулировать шлюзами Немцов рассказал в книге со скромным названием «Исповедь бунтаря»:

«В 1994 году Ельцин путешествовал с семьей по Волге на теплоходе «Россия». И вот он приплывает в Нижний Новгород, сходит с трапа, обнимает меня и говорит: «Слушайте, мне так Жириновский осточертел. Он в каждом городе ко мне выходит и мешает работать. Сделайте, чтоб его не было». Спрашиваю: «А где он?» – «Да там, плывет за мной по Волге».

Я позвонил в службу гидросооружений: «Где теплоход «Александр Пушкин»?» – «Да шлюзы проходит, Горьковское водохранилище». Я говорю: «Задержите этот теплоход в шлюзах». – «Мы не можем задержать». – «Вы воду спустите в шлюзах». – «Вы что, господин губернатор, это аварийная ситуация!» – «Спустите, иначе я вам башку оторву!» – «Нам нужно ваше письменное указание». – «Сейчас я вам дам указание». Написал указание задержать теплоход».

Доподлинно не известно, стал ли этот случай пробой пера в манипуляции с помощью шлюзов или Борис Немцов таким образом немножко изменил антураж истории. В любом случае, когда в феврале 2012 года Дмитрий Медведев на встрече с представителями оппозиции, говоря о фальсификациях на думских выборах 2011 года, якобы сказал: «Да, выборы в Госдуму были нестерильны, но вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента в 1996 году. Это не был Борис Николаевич Ельцин», – Немцов стал одним из участников встречи, подтвердившим эти слова.

Есть присказка о том, что нынешняя политическая система вышла из малинового пиджака 90-х, как русская литература из «Шинели» Гоголя. Некоторая преемственность, безусловно, наблюдается. Достаточно вспомнить, что в Нижнем Новгороде был и свой, скажем так, протоходорковский. Честь стать одним из первых резонансных «сидельцев», который собрался было в большую политику, а угодил, удивительным образом, в тюрьму, выпала бизнесмену Андрею Климентьеву. 29 марта 1998 года он выиграл

6 апреля 1998 года. Митинг у здания областного суда. Протестующие против ареста всенародно избранного мэром Андрея Климентьева заклеивают рты лейкопластырем

выборы мэра Нижнего Новгорода, получив 34% голосов. Кампания была построена на оппозиционной риторике и обвинениях в коррупции всё того же Бориса Немцова. А уже 2 апреля 1998 года Климентьев был арестован по делу о хищениях на Навашинском судостроительном заводе и приговорен к шести годам. Арестовали бы и раньше, но суд отклонил первое ходатайство об аресте, поданное 30 марта, сразу после подсчета голосов. Правда, это история уже не про выборы, а скорее про то, «в какой стране мы бы жили, если бы...». Всё в той же – в России. □

«Я регулярно сталкиваюсь с теми, кто раньше занимался бандитизмом»

90-е – это не только жвачка «Турбо», передачи Сергея Супонева и МММ. Тогда «новые русские» были не полузабытым мемом, а реальностью, рэкет считался почти обычным делом, у каждой семьи был хотя бы один знакомый, которого с опаской называли «бандитом», а в газетных объявлениях можно было запросто наткнуться на поиск работы «с риском». «Селедка» встретила с генералом Иваном Ивановичем Кладницким, который в то время возглавлял региональное управление по борьбе с организованной преступностью, – его в газетах называли не иначе как «нижегородский Жеглов», – и расспросила о том, как преступники делили территорию, нижегородских бандх того времени, перестрелках и бывших преступниках

Текст: Лидия Кравченко
Фото: Илья Большаков

Приметы времени

Как это часто бывает в трудные времена, в 90-е стала ярче проявляться преступность: появились бандитские группировки, облагавшие предпринимателей данью, – по сути, это было обычное вымогательство, называемое в простонародье рэккетом. Кто-то отдавал этот «налог» по доброй воле, кто-то пытался проявить несогласие, но таких сразу же подвергали различного рода экзекуциям. Я помню одно из первых дел, связанных с бандитами: к одному успешному коммерсанту, который сейчас благополучно живет за границей, пришли такие ребята и говорят, мол, давай делиться. Потребовали от него 200 тысяч – огромные деньги по тем временам, и коммерсант им отказал. Кончилось все тем, что в один из теплых летних дней приезжает к нему такая бандитская группа во главе с человеком в форме сотрудника милиции, старшего лейтенанта, и заталкивает предпринимателя в машину. Привозят его в лес и говорят: раз ты такой жадный, мы тебя приговариваем. Два раза ему над ухом стрельнули, он на все сразу же согласился, а потом прибежал к нам, так и так. В итоге мы этих людей, конечно, поймали, как и сотрудника, который им свою форму дал в аренду, – он хоть и не участвовал, но тоже был осужден. Я считал и до сих пор считаю, что человек, который присягнул служить закону, должен подвергаться более строгой ответственности, а тот человек, наш вчерашний коллега, по сути, нас предал, так что пощады быть не должно.

Красный город

Всякое было: и рэкет, и грабежи, и заказные убийства. Очень много было задействовано специалистов по минно-взрывным делам, которым приходилось не взрывать, а разминировать: видели, наверное, в кино – человек садится в машину, поворачивает ключ зажигания, немного отъезжает, и машина взрывается. Не вспомню, сколько было таких заминированных машин, но достаточно – использовали такие методы расправы. Доходило до применения огнестрельного оружия, когда шли столкновения между группировками, делившими зоны влияния: Автозавод – отдельно, Сормовский – отдельно: следили, чтобы никто не переходил границу. Бывало, что в таких разборках участвовало достаточно много людей. Помню, как-то я беседовал с одним авторитетом с Автозавода, уже после задержания; он участвовал в столкновении на Кузбасской как-то зимой. Я ему говорю: «Коль, ну ладно, пацаны твои, а ты вроде старый жулик, куда полез?» А он мне отвечает: «Иваныч, я думал, там стрелку забили просто перетереть, а те-то приехали со стволами! У нас тоже что-то с собой было, ну и понеслось. Я, – говорит, – толком ничего не видел: как только первая очередь прошуршала – упал за брусью, чувствую только, как надо мной пули снег сшибают». Я ему: «Ну что ты рассказываешь, как будто под Сталинградом воюешь!» В общем, старались пресекать все эти безобразия, и, наверное, получалось. Мне рассказывали, как один авторитет поехал на встречу со своим собратом по бандитскому ремеслу, прибывшему из Ленинграда. Поехал один, сам за рулем, а у того, ленинградского, пять человек рядом стоят. И тот такой: «Где твоя охрана? Где водитель? Ты же вор в законе, тебе по статусу положено! Да-а-а, говорит, ну у вас краснота!» А у них на жаргоне есть такое выражение «красный город», когда в городе управляет обстановкой власть, в данном случае правоохранительные органы, и это считается большим позором для тех группировок, которые пытаются свою тему в том городе продвигать.

Иногда сотрудникам приходилось применять оружие, и это всегда было опасно. Уже после того как я ушел в отставку, на одного коллегу пытались наехать: на Автозаводе был громкий случай, когда ребята задерживали одного преступника, который похитил ребенка. Нашему сотруднику пришлось выстрелить в этого человека через стекло автомобиля и насмерть его уложить. И якобы при этом

пуля по касательной задела и пятилетнего ребенка – хотели, не разобравшись, этого сотрудника посадить. Хорошо, что все выяснилось: у парня особо не было выбора – преступник мог ребенка резать, и действовать надо было быстро. Такие вещи очень демотируют, доходило до того, что опера, которые имеют право на постоянное ношение оружия, говорили: а зачем оно нам? Раз мы не можем обороняться, мы его и брать вообще не будем. Ребята не должны необоснованно страдать, они поступают так, как требует ситуация.

Мне от бандитов никогда никаких угроз не поступало. Был только случай по отношению к одному моему подчиненному: какой-то нетрезвый чело-

а мы по мере сил их ловим, все честно, а наших членов семьи это касаться не должно. Это был период чеченских событий, народ был злой, и если вдруг чего – я не был уверен, что смогу своих ребят удержать от необдуманных поступков. Не дай бог, говорю им, что-то случится, не каждый из вас доплывет до середины Волги, если ему к ногам канализационный люк привязать.

Группировки

Такого, чтобы кто-то контролировал исключительно клубы, кто-то – исключительно рынки, не было. Как правило, существовал территориальный признак, и самыми крутыми и дерзкими всегда считались автозаводские ребята. В Канавине – да, в основном

Горьковский автозавод, но нам вместе с руководством предприятия удалось дать им отпор. У нас был плохой пример по Тольятти: там за полтора-два года больше 60 человек было убито прямо на проходной. Мы регулярно встречались с ГАЗом, обговаривали вопросы, и удалось посадить многих из тех, кто пытался взять предприятие под свой контроль по части сбыта продукции: хотели заниматься «Волгами», самим решать, кому и когда продавать и по каким ценам. Ничего у них из этого не вышло – десятка два человек попали на хороший срок, остальные поняли, что этот объект контролирует государство и лучше заняться другими, легальными делами.

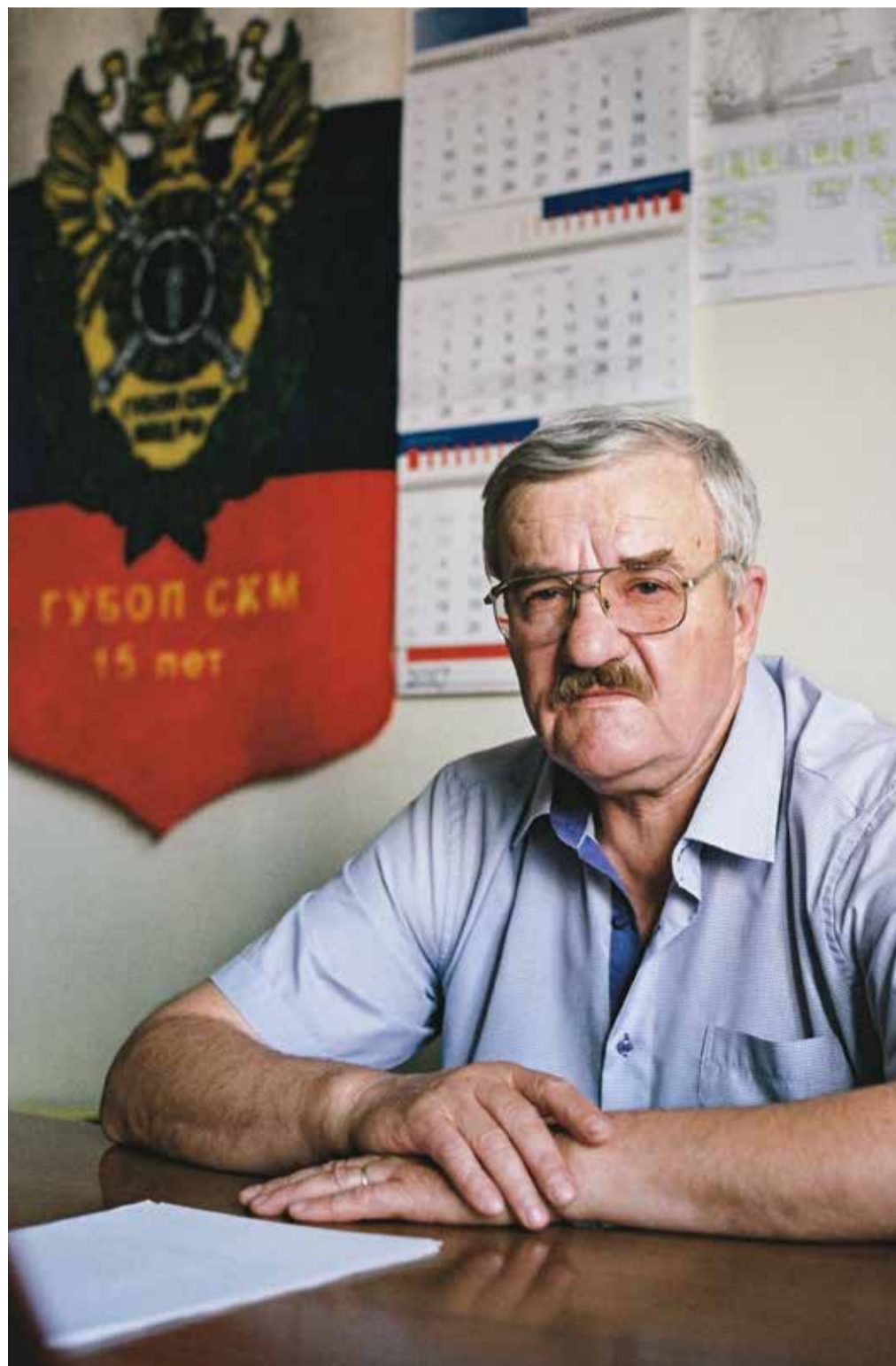
Наиболее опасной из всех была бандгруппа Алахвердиева – большая и жестокая. Эта группа, прибывшая из Средней Азии, занималась вымогательством и грабежом, поставляла в исправительные колонии наркотики и убивала своих жертв совершенно нечеловеческим способом – они отрезали им головы, как баранам. Нужно было иметь очень устойчивую психику, чтобы расследовать это дело, потому что даже для нас это все было жутко, а для обычных людей вообще невообразимо. Занимались мы этой группой, к сожалению, довольно долго: около года проводилась оперативная работа, чтобы все это изучить, а потом еще год велось следствие. По нашим данным, они совершили 14 убийств и больше 20 разбойных нападений. Большинство из участников группы мы взяли в Казани, в итоге было поймано 29 человек.

О мирных жителях

Доверия к правоохранительным органам, и в частности к РУБОП, с каждым годом становилось все больше. Я помню, как у одного художника, который выставлялся на Свердловке, украли 13 картин. Парень был хороший – много рисовал, художественную академию закончил. Пошел сначала к своему участковому, от него там отмахиваются: ну занимаемся, но, сам понимаешь, не до твоих картин. Пошел в прокуратуру – там обещали взять на контроль. В итоге он ходил-ходил и записался к нам на прием. Рассказывает: я на Звездинке сараюшку снимаю, картины там храню, а утром выставляю – оттуда их и украли. Я ему пытаюсь объяснить, что это не наш профиль, у нас оргпреступность, а он мне: ну, я подумал, что приду в РУБОП, и если уж мне тут не помогут, то больше никуда не пойду. Меня так это задело, что я попросил одного своего сотрудника заняться. Он буквально за два дня узнал, что условные Иванов и Сидоров взломали сарай, стырили картины, да и положили в другое место, потому что как продавать их – не знают. А потом на День милиции к нам этот художник пришел, в знак благодарности картину подарил, мы ее в актовом зале повесили.

«Бывшие»

Я регулярно сталкиваюсь с теми, кто раньше занимался бандитизмом: они до сих пор живы, и многие из них стали уважаемыми состоятельными людьми – мне не хочется называть имена, чтобы не портить их репутацию, но я утверждаю, что многих из них вы можете встретить в городе в солидных местах. Бывало, что иду в шутейном настроении по Свердловке, встречаю одного из «бывших», а он одет в нормальную одежду: рубашка светлая, галстук, а по понятиям нельзя галстук носить, нехорошо. Ну, я с ним весело здороваюсь, пальцы веером делаю, а он мне: Иван Иваныч, кругом люди, ну что ты... То есть человек уже занят серьезным бизнесом и все в своем поведении контролирует, больше не «братан-друган». Я в 90-е им постоянно внушал, особенно тем, кто постарше: ребят, хватит уже бегать, что вам это дает? Украл, выпил, в тюрьму – романтика? Если самому нравится зону топтать – топчи, о детях своих позаботься, как у них жизнь сложится, если про них будут говорить: это дети Иванова-душегуба? Когда жулика получается уговорить и он становится законопослушным гражданином, это даже лучше, чем дать срок. ■

век в автобусе попытался похитить его маленькую дочку. Это было в Сормовском районе, и нам пришлось провести рабочую встречу с теми, кто этот район держал, и популярно объяснить, что у каждого своя работа: они воруют по мере сил,

держали рынки и занимались вымогательством. Тех, которые шли с нами на контакт, мы могли защитить, но некоторые считали, что лучше отдать какую-то часть денег, чтобы не связываться. Была одна группа, которая пыталась контролировать

Фоторепортаж

«Макдоналдс» в Нижнем: как это было

Кажется, «Макдоналдс» на Горького был почти всегда, а выпить кофе гляссе с хашбрауном перед утренней «Ласточкой» – добрая традиция почти половины уезжающих с Московского. «Селедка» публикует фотографии Романа Яровицына, который снял открытия первых трех «ресторанов быстрого питания» в 90-е и рассказал о том, как это было

Акция анархистов на площади Горького против строительства ресторана «Макдоналдс»

Всадники и барабанщики на Покровке в честь запуска «Макдоналдса»

Мэр Иван Скляров жмет руку продавцам

Открытие первого ресторана быстрого питания «Макдоналдс» в Нижнем на площади Горького состоялось 6 мая 1997 года

Чиновники городской администрации за столом. Вице-мэр Александр Мелешкин (с усам) и глава администрации Нижегородского района Александр Морозов (в центре). Второй справа – собственный корреспондент телерадиокомпания ОРТ Александр Цирульников

Охранник у входа

Роман Яровицын, фотограф

«Как ни странно, когда в Нижнем открывался «Макдоналдс», ажиотажа не было никакого. К московским «Макдакам» все уже успели привыкнуть и посетить, поэтому у нас в городе большого удивления они не вызвали. К тому же первый и второй (третий точно не помню, но, кажется, тоже) открывались в обычные рабочие дни. Первый пошел во вторник где-то часов в 10 или 11. Я слабо помню обстоятельства, была только очень хорошая погода, яркий такой денек. Парад девичьих-барабанщиц вряд ли мог кого-то удивить, тогдашний мэр, а затем губернатор Скляров их обожал, и барабанили они где-нибудь раз в неделю точно. Парад этот возглавляли конные знаменосцы, несущие флаги с символикой ресторана. Кроме них, были клоуны и детишки с шариками. После торжественного разрезания ленточек внутрь пустили журналистов для участия в пресс-конференции. В президиуме тогда

сидели и. о. губернатора Юрий Лебедев (Немцов чуть больше месяца как уехал в Москву), мэр Иван Скляров и представители компании. Затем бесплатно накормили жильцов дома, до этого строчивших жалобы и доносы. Надо сказать, что на открытии ресторана пропиарились многие представители оппозиции. Например, 1 апреля анархисты раздавали на площади перед будущим «Макдаком» листовки, «изобличавшие» коварные планы империалистов. Вскоре после открытия наш город посетил во время агитационного турне Жириновский, который не преминул проехать по поводу нижегородской новинки, заявив, что в России есть свой фастфуд в виде пирожков ипельменей и что надо открыть рядом свой ресторан, чтобы разорить проклятых капиталистов. В начале лета и вправду по соседству открылся ресторан «Нижегородский», так и не сумевший стать реальным конкурентом и убрать мух из зала.

Вторым был «Мак-Авто» на автозаводской улице Веденяпина. Для 300-тысячного района, живущего немного отдельно от остального города жизнью, это было значимое событие. Посмотреть на открытие пришли человек 200, а мероприятие удостоило вниманием аж сам Николай Пугин, работавший, как и сейчас, президентом ОАО «ГАЗ». Но кому-то снова не давали покоя чьи-то успехи на рынке фастфуда, и нашелся умник, сообщивший о заложенной бомбе. Искали ее полчаса, что никак не повлияло на настроение зрителей.

Третий «Макдоналдс» претендовал на цокольный этаж Дворца труда на площади Минина и Пожарского. Однако городское руководство решило, что это уж слишком, и отправило американского инвестора на площадь Революции. Всего за год было открыто три ресторана быстрого питания, запомнившихся первыми в городе. Появление

остальных уже мало кто помнил. В 1997 году были совсем другие масштабы цен, и поход в «Макдак» был сравним с посещением настоящего ресторана с официантами и метрдотелями. Отношение к «Макдаку» было очень разным. Кто-то приветствовал, а кто-то даже слышать не хотел. Очень характерны эпизоды в фильме «Жмурки», снимавшемся в нашем городе, в том числе в самом первом ресторане на площади Горького. Дюжев обожает гамбургеры, а Панин их терпеть не может. Так было и в жизни.

Еще больше фотографий Нижнего периода 90-х – в книге Романа Яровицына «Столкновение эпох», которую можно посмотреть и купить по ссылкам:

<https://www.facebook.com/stolknoveniye>
<http://www.blurb.com/b/2126388-at-the-edge-of-centuries> ■

Фоторепортаж

Строительство здания для ресторана «Макдоналдс» на площади Революции

«Макдоналдс» на площади Революции напротив железнодорожного вокзала открылся 15 апреля 1998 года

Первый день «Макдоналдса» на площади Революции

«Мак-Авто» на Веденяпина открылся 3 сентября 1997 года

Автозавод. За неделю до открытия «Мак-Авто»

«Макдоналдс» на площади Революции и юные гости в ожидании «Хэппи Мила»

Первые посетители «Мак-Авто»

15 апреля 1998 года. Директор ресторана «Макдоналдс» вручает чек детскому учреждению № 17 с выручкой за первый день работы ресторана на площади Революции

Президент ОАО «ГАЗ» Николай Пугин во время церемонии открытия «Мак-Авто» на Веденяпина

Жители Автозавода ждут открытия «Мак-Авто»

Всё это рейв

Журнал «Птюч», радио «Станция», концерт The Prodigy на Манежной площади – девяностые годы в России были временем рейва. Очевидцы рассказывают, что если тебя тормозили на улице и спрашивали, рэпер ты или металлист, то можно было назваться рейвером, и это было тем комфортным третьим вариантом, часто позволяющим избежать физических травм.

«Селедка» попыталась разобраться в истории рейв-культуры Нижнего Новгорода и узнала у непосредственных участников событий о главных местах города в девяностые, о том, когда в Нижнем прошла первая травести-вечеринка и как выглядел ад меломана

Текст: Марк Григорьев

«Висят три тряпки, стоят два стробоскопа, магнитофон, и люди танцуют». Как все начиналось

Алексей Кругов (в 90-е – Alex Kroog, диджей и промоутер, сейчас – руководитель туристического проекта «Активный кругозор»): – После того как город открыли, сюда пошла волна новой информации. На тот момент здесь уже был костяк людей, считавшихся «не такими, как все»: например, брейк-дансеры, которые еще в 80-е проводили фестивали «Колобок», привозили многих диск-жокеев; Андрей Топчий вписывал у себя Дельфина – они все вместе танцевали на Дrame, а сам фестиваль проходил в ДК Свердлова.

Все начиналось с ДК речников в 1993 году; он находился там, где сейчас Z-Tor, – ночные танцы пошли именно оттуда. Тогда же открылся клуб ROCCO – место, где собирались брутальные и суровые персонажи.

Игорь Преображенский (в 90-е – режиссер, радио- и телеведущий, сейчас – сценарист, музыкальный промоутер, основатель «Кафе Дель Пар»): – Первые пати – мероприятия для друзей, для первого и второго круга, человек на сто, туда невозможно было попасть с улицы. Неожиданный выбор мест – дома культуры – объяснялся тем, что там можно было дешево арендовать площадку. Ребята приносили звук, пару стробоскопов и заряжали бобину – речь даже не шла о виниловых вертушках, о сведении музыки и диджействе. Висят три тряпки, стоят два стробоскопа, магнитофон, и люди танцуют. О первых стационарных местах можно говорить только с появлением «Манхэттена».

Максим Капчиц (в 90-е – ди-джей, сейчас – продюсер, ди-джей, музыкальный проект SO|KA): – Потом появились первые места, работающие в формате ночных клубов: Manhattan в кинотеатре «Импульс» в Щербинках и Batman в центре Сормова. Это был тот самый клубный формат, часто определяемый людьми, далекими от той движухи, как «громкая однообразная специфичная электронная музыка». Первый эксперимент начался по средам в «Манхэттене» в 1994 году – там играли

(по-моему, еще с кассетных ден) питерский чувак по кличке Палтус и наш непотопляемый Топчий. В остальные дни «Манхэттен» работал просто как коммерческий клуб. «Бэтмен» был, в общем-то, обычным, качественным на то время, попсовым клубом вроде современных Z-Tor или «Лекс». Из так называемого «второго эшелона» были «Печоры», Picasso и «Партия» в ДК речников.

Наталья Воронина (в 90-е – участница танцевального коллектива «Холоидей», мастер спорта по художественной гимнастике, сейчас – педагог, хореограф, постановщик): – Кроме ДК речников, ночные танцы были в ДК Свердлова – в силу возраста и безденежья я там так и не побывала. Дальше открылись модная дискотека от радио «Европа плюс» в холле ТЮЗа и клуб ROCCO. Дискотека в ТЮЗе собирала тогда всевозможных артистов для шоу – саму музыку для танцев я даже и не очень помню. Зато помню, как в начале 90-х открывать радиостанцию в Нижнем приезжал самый настоящий француз по имени Оливье, высокий и красивый, – он начал встречаться с девочкой, которая училась со мной в параллельном классе. На тот момент ей было 15 лет, мы все страшно удивлялись и даже ей завидовали.

«Вся основная история творилась, конечно же, в «Манхэттене»»

Александр Извеков (в 90-е – школьник и студент ННГУ, сейчас – сотрудник музея современного искусства «Гараж» в Москве): – «Манхэттен» располагался в подвале «Импульса», вход со двора, он состоял из небольшого танцпола и относительно небольшой барной зоны, где можно сидеть за столиками или на каких-то поверхностях. Его отличие от многих других мест, где мне довелось потом побывать, заключалось в том, что диджей находился за стеклом, то есть по ходу вечеринки ему что-то сказать с танцпола было просто невозможно. На танцполе с очень низким потолком было темно, он обслуживался несколькими простыми сканерами и, если не ошибаюсь, ультрафиолетовыми лампами. Бар был обшит каким-то фактурным материалом под песчаник, его украшали панели с рисунками-граффити, изображающими манхэттенский скайлайн.

Воронина: – Здесь был вообще полный замес по публике: бандиты, бандитские телки, супермодная молодежь, не супермодная молодежь, малолетки – все ехали в «Манхэттен». Там регулярно проводили антинаркотические рейды, так называемые «маски-шоу» – и совершенно небезосновательно. Отсюда пошли вообще все самые крутые диджеи, которые до сих пор в нижегородском топе, а все

популярные персонажи широко справляли там свои дни рождения, устраивая вечеринки. Там же проходили показы модных магазинов, торгующих актуальным рейверским, и не только, барахлом из Турции.

Кругов: – Вся основная история творилась, конечно же, в «Манхэттене». Там играла клубная музыка – клуб-хаус, не прогрессив, там произошел старт. Потом, в декабре 1996 года, Герман Иоффе открыл клуб «Авиа» в здании гостиницы «Нижегородская», и это стало следующим витком клубных событий в Нижнем. Все известные диск-жокеи того периода были в «Авиа» каждую неделю. И всё, что происходило потом, вплоть до 2002 года, случилось благодаря появлению этого клубешника, который взрастил огромный пласт аудитории, активно тусующейся.

«Авиа» просуществовал всего год, но впечатлений оставил на две жизни»

Извеков: – Большое кубическое пространство, в середине которого находился квадратный танцпол с диджейкой и двумя тумбами для гоу-гоу. Стены задрапированы черными шторами, украшенными флуоресцирующими рисунками. Вход в клуб осуществлялся по ультрафиолетовым печатям – и были умельцы, способные перевести одну печать на запястьях нескольких человек. В основном в «Авиа» играл хаус в различных своих ипостасях, в отличие от «Манхэттена», в котором чаще можно было услышать техно. В то время на флэерах принято было писать стиль музыки конкретному диджею, поэтому ты мог примерно понимать, что услышишь, а когда тусуешься постоянно, уже знаешь, кто что играет. В 90-е в городе не ставили джангл вообще, и, кажется, проходила одна вечеринка с хардкором – сохранившиеся флэеры подсказывают, что в Нижний приезжал икона русской хардкор-сцены DJ Диггер.

Капчиц: – «Авиа» просуществовал всего год, но впечатлений оставил на две жизни. Масса новой музыки, красивых ярких людей, светлых эмоций, великолепный вид на Стрелку. Год за день. В общем, какое-то лето любви получается. Как огромный глоток свежего воздуха. По-моему, год – это идеальное время жизни клуба. Клубы должны закрываться молодыми, а не покрытыми плесенью и паутиной. И тогда срабатывает принцип рождения легенд.

Воронина: – Там уже стали появляться клубные фишки: танцы гоу-гоу в специально отведенных для этого модных клетках. Помню, всегда находились поддаты бабенки, которые пытались меня перетанцевать, презрительно вихляясь у сцены. Но и моей борзости хватало на то, чтобы просто плюнуть в дерзких молодых людей, которые пытались схватить во время выхода на сцену, например, за ноги.

Преображенский: – Туда никто не ходил знакомиться, искать любовных приключений, это был чисто танцевальный клуб для одиночек, куда можно было прийти одному и всю ночь протанцевать в черных очках под экстази. Люди приходили в десять вечера, танцевали без остановок и уходили в семь утра, когда включали свет.

Кругов: – Последняя вечеринка в «Авиа» прошла 4 января 1998 года. Естественно, закрытие было связано с его рентабельностью – клуб «съел» открывшийся в 97-м первый Picasso. Любопытно, что, в свою очередь, второй Picasso был «съеден» открывшимся через десять лет клубом Z-Tor.

«Россо – главное место силы для появившегося класса обеспеченной публики»

Извеков: – Еще потанцевать под новую электронную музыку можно было в клубе «Рокко» по четвергам в 1996–1997 годах. Главное место силы для появившегося класса обеспеченной публики, но что в нем проходило в остальные дни, я не знаю, ходить туда в голову не приходило. Главный аттракцион в «Рокко» – «лазерное шоу» – там была установлена система зеленых лазеров, и где-то посередине ночи музыка останавливалась, а над сценой опускался экран, на котором демонстрировался лазерный анимационный ролик, запрограммированный в системе. Сейчас этим никого не удивить, но тогда впечатляло.

Воронина: – Клуб «Рокко» был совершенно передовым по технологиям, звуку и интерьеру – стены были голографические и блестящие. Но главное – там были шоу-программы: стриптиз, песни, пляски, показы от модельных агентств, которых тогда в Нижнем было всего два. Тусовались там совершенно разные люди, в основном не бедные. Помню, там совершенно легально и не без гордости работала проститутка. Так называемые бандиты были завсегда всеми всех клубов и дискотек, ибо деньги тянули за собой наркотики, а те тянули тусить без перерыва.

Бандиты и техно

Преображенский: – С самого начала бандитская прослойка повелась на техно. Даже на самых первых вечеринках в ДК речников присутствовало какое-то количество бандитов. Тогда их было очень много – отдельный класс крепких молодых людей, которые попадали под определение «бандиты» условно, просто так или иначе связанные с криминалом: крышевание, бригады, курировавшие немногочисленные тогда заведения. Деньги у них водились, и сначала они употребляли много наркотиков. Это было забавно: с одной стороны, модная молодежь в актуальных для того времени прикидах, а с другой – странный срез гладковыбритых и крепких молодых людей. В принципе, они как-то мирно сосуществовали на танцполе и влились в культуру не агрессивно.

Что пили

Капчиц: – Я не гурман клубного алкоголя. Думаю, наливали тогда в барах то же самое, что и сегодня, за исключением одной заразы – в какой-то момент в клубах появился героин. Вот эта дрянь испортила жизнь и репутацию многим. Сейчас, слава богу, героин где-то в глубоком андеграунде.

Воронина: – Самым модным напитком в те энергичные времена был коктейль «Б-52»: если удавалось угоститься им (купить было нереально), он сразу становился предметом для обсуждения: как горел, сколько штук выпили подряд и т. д. Еще один странный коктейль – «Текила бум», который делался из текилы и, кажется, спрайта. Эту адскую смесь накрывали бирденкелем и стучали с силой о барную стойку – выпивалось залпом, рвало в клочья! Сами же пили в основном водку – дешево и било по мозгам, об остальном тогда вообще не думалось.

Куда не ходили

Капчиц: – Рассадником гоп-танцев в первой половине девяностых был ДК работников торговли на Алексеевской – большой задымленный сигаретами загон с высокой сценой и стенами, покрашенными бежевой краской. В синем тумане сидели на корточках или сдержанно пританцовывали коротко стриженные молодые люди призывного возраста и их пассии под песни а-ля «Твоя вишневая девятка». Наверное, так выглядит ад меломана.

Флаер на вечеринку «День варенья» в клубе «Норсар». 23 мая 1998 г.

Флаер на вечеринку Gemini в клубе Manhattan. 6 июня 1998 г.

Флаер на вечеринку Atomic в клубе «Авиа». 28 февраля 1997 г.

Флаер на вечеринку Sweet Sugar в клубе Manhattan. 25 октября 1997 г.

Флаер на вечеринку Sweet Sugar в клубе Manhattan. 25 октября 1997 г.

Извекон: – Над «Манхэттеном» располагался клуб для гопников «Ладья» – в холле кинотеатра гремела разнообразная поп-музыка типа «Руки вверх». На моей памяти конфликтов между рейверами и гопниками не было, но пересекаться с ними не хотелось. Иногда мужской туалет в «Манхэттене» был переполнен или закрыт, и мы ходили по внутренней лестнице в туалет в «Ладью» – путешествие на другую планету. Они смотрели на нас как на пришельцев, а мы, в свою очередь, хотели от греха подальше побыстрее оттуда убраться.

Дресс-код

Извекон: – Когда мы с друзьями проходили по Большой Покровской, на нас оборачивалась вся улица. Магазин «Луноход» появился позднее, поэтому мы знали все окрестные секунд-хенды, куда регулярно совершали набеги в поисках чего-нибудь выдающегося – однажды мне удалось составить тотал лук фиолетового цвета: джинсы, свитер и псевдодиджейская сумка, которую я одолжил у подружки.

Несколько лет на Нижегородской ярмарке проходила британская выставка, где был стенд Dr. Martens, – так решалась проблема с обувью. После фильма «На игле» я понял, что не нужно бояться «Аидиса» – так у меня появились оранжевая (конечно же!) футболка с тремя белыми полосками на плечах, а чуть позднее – темно-синяя олимпийка с большим лого «Аидиса» на спине, в которой я ходил и в пир, и в мир, и в добры люди.

С другой стороны, когда ты находишься внутри сообщества, ты понимаешь, в чем можно повывиться в клубе: как такового оголтелого фриковства нью-йоркского разлива в Нижнем не было, но однажды моя подружка Марго появилась на вечеринке в свадебном платье своей мамы, чем произвела фурор и что моментально породило массу слухов, а другая подружка Варвара появилась в подаренной моей мамой белой гипюровой кофточке, без бюстгалтера, чем тоже привела в экстаз окружающих. Опытные тусовщицы никогда не носили светлое нижнее белье, потому что в свете ультрафиолетовых ламп оно начинало светиться.

Важные вечеринки

Извекон: – Во второй половине 90-х прошли две важные вечеринки: «Орлята учатся летать» в кинотеатре «Орленок», приуроченная ко Дню космонавтики в 1997 году, и первый крупный рейв Aquadance 5 июля 1997 года. Особенности «Орлят» был выбор места, – практики разовых вечеринок не существовало, – и то, что на протяжении всей ночи был открыт кинозал, в котором крутились какие-то фантастические фильмы. Aquadance – рейв на несколько тысяч человек в заброшенном ангаре на Гребном канале – поражал в первую очередь размерами ангара и гигантским подиумом, врезавшимся в центр танцпола, который использовался для выступлений гоу-гоу, среди которых было много знакомых.

25 октября 1997 года в «Авиа» прошла первая в истории города публичная травести-вечеринка: специальным гостем была Артемида, за несколько месяцев до этого появившаяся с Огненной Леди на обложке журнала «Птюч», и два нижегородских мальчика – Миша Ребрин и Дима Самохвалов. В их задачи входило танцевать на тумбах – не более! – однако был какой-то сумасшедший ажиотаж, а про вечеринку написало несколько местных газет.

Кругов: – В 1998 году я привез в клуб «Корсар» Дельфина и попал на две с лишним тысячи долларов. Я думал, что отобьем со входа, но ошибся на старте – пригласил очень много «бесплатных» людей, и все, кто мог составить основную выручку, прошли бесплатно. Так и получилось, что клуб битком, а денег нет и, поскольку я со входа должен был расплатиться, естественно, платить нечем.

Кроме того, Нижний до сих пор не ходит тусоваться в дождь, а в тот день шел ливень, да и Дельфин опоздал на поезд и приехал на саундчек вместо 9 часов в 11. Люди знали, что концерт делает молодой промоутер, сказали: «Как? Дельфина еще нет в городе? Ну, наверное, он и не придет», – и ушли на другую вечеринку.

Дельфин тогда спел четыре песни из уважения к зрителям и уехал из Нижнего вместе с Da Voogie Crew на такси ГАЗ-2410 от Московского вокзала, потому что я не успел купить им билеты на поезд. Все, провал полный, катастрофа – утром я понимал, что внезапно должен деньги, которых у меня нет. Но все как-то само собой со временем разрулилось – в 2000 году мы встретились с Андреем и его директором на дискотеке «Свалка» во Дворце спорта, где за бутылкой коньяка уладили разногласия.

Хиты

Кругов: – Надо понимать, что если рейв проходил в субботу, то это было большим событием, потому что электронной музыке отдавались только четверги – выходные были для коммерческого звучания. Диск-жокеи того периода зарабатывали больше денег на «Эй, диджей, поставь мой компакт-диск», как это пелось у Грува.

Воронина: – Из хитов первым на ум приходит Роберт Майлз – «Children» безусловный хит, конечно. Deee-Lite, Fatboy Slim, Armand Van Helden, Faithless, зеленобровая диджейка Magusha. Это то, что удастся идентифицировать по исполнителям. Но такие треки звучали в действительно модных клубах, в остальных играл классический набор 90-х, после трех часов ночи тоже начиналась «колбаса».

Капчиц: – Личный этикет определялся, как и сегодня, культурным уровнем. Всегда были персонажи, считающие, что их недовольство или негативная оценка работы диджея способствуют улучшению атмосферы на танцполе. А выражение «поставь ченить нормальное» помню столько, сколько помню себя за пультом. Всегда были равнодушные, и всегда были и есть искренне благодарные за музыку люди. И им ответный респект, я делаю это для них.

Когда только вышел трек Роберта Майлза «Children», он стал бомбой на танцполе. Любый бандос в черных джинсах Versace и с пейджером, не подозревающий о существовании иностранных языков, слово «children» знал. И естественно, этот трек просили поставить примерно один раз в двадцать минут.

Как разъезжались

Преображенский: – Разъезжались из клубов на такси, было доступно, ловили частников, никто по счетчику не ездил, все бомбили, во всяком случае компанией сесть и уехать было вполне реально. Были и забавные случаи – как-то я добирался домой часа в три ночи, стоял, голосовал и поймал троллейбус. Тетенька за рулем говорит: «Куда?» Я: «Мне в Кузнечиху». Она в ответ: «До первой Кузнечихи довезу, а дальше сам, у меня там провода кончаются». ☐

Флаер на рейв Aquadance на Гребном канале. 5 июля 1997 г.

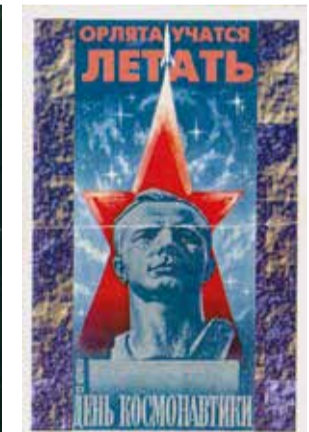
Флаер на вечеринку «Ночь солидарности клубников» в клубе «Авиа». 1 мая 1997 г.

Флаер на вечеринку Underground Beat в клубе Manhattan. 15 апреля 1997 г.

Флаер на вечеринку «Орлята учатся летать» в кинотеатре «Орленок». 12 апреля 1997 г.

Флаер на Fashion Party в клубе «Авиа». 27 сентября 1997 г.

Все флаеры из архива Александра Извекона

Сцена, которой не было

История нижегородского андеграунда 1990-х

В 1990-е мир лишился Курта Кобейна, Чарльза Буковски и Уильяма Берроуза, а Coil записали свой легендарный Love's Secret Domain. В другой части света распался Советский Союз, в России пришел к власти и отказался от нее Борис Ельцин, вышел фильм «Брат» и случился экономический кризис. А в Нижнем Новгороде в это же время незаметно появилась, расцвела и так же незаметно угасла удивительная андеграундная сцена – небольшая, но разительно отличавшаяся от всего, что звучало в 90-е на городских концертных площадках. Журналист и основатель паблика «Нижегородское эзотерическое подполье» Дмитрий Ковальчук рассказывает об этом явлении

Резидент O.R.records Дмитрий Баранов

Обложка кассеты группы ХП

Группа «Отсутствие» перед выступлением в клубе ТаМтАм

Группа «Христос Пантократор»

Группа «Мертвые души», 1992 год

Группа «Люби Ивана»

Группа «НХЛ»

Кто это был

Новое музыкальное подполье Нижнего Новгорода сразу отказалось от идей, которые продвигали существовавшие в городе музыкальные коллективы. Например, появившуюся в Сормовском районе в 1991 году группу «Мертвые души» уже не интересовал классический русский рок – их стиль варьировался от электронного колдвейва до истеричного гитарного постпанка. В 1992 году коллектив начал активно выступать и в итоге доехал даже до легендарного питерского клуба ТаМтАм.

У «Душ» быстро появилась масса поклонников – слишком уж нетипичными даже для того времени они были. Нервный бородач Никифор (недоучившийся медик, теософ и знаток немецкой философии, по совместительству дорожный рабочий), гитарист Михаил «Мишель» Безнососов (человек, однажды бросивший занятия бизнесом, ради того чтобы стать фотографом) и толстяк Дух (в миру – врач детской реанимации Николай Куприянов) не пытались стать «героями рок-н-ролла», как многие их ровесники. Да и их скандальные выходы тоже не оставались незамеченными. Мелодичные грустные гитарные партии и четкая тексты с резкими перепадами – один известный музыкальный критик (по слухам, это был Артемий Троицкий), ознакомившись с творчеством МД, назвал их «самой мрачной группой бывшего Союза». Прекратили свое существование они в 1996-м.

В это же время в соседнем Московском районе свой проект развивал экс-участник «Мертвых душ» Роман «Глюк» Колчин. Единственная запись, оставшаяся от его постпанк-коллектива «Отсутствие», представляет собой демо, предназначавшееся для основателя клуба ТаМтАм и виолончелиста «Аквариума» Всеволода Гаккеля – сырые, грязные и отчаянные песни. Позднее Роман организовал группу «Мелкий бес», выпустившую три очень разных альбома: если на первом явно звучали отголоски Bauhaus или Sisters of Mercy, то последний был хоть и вычурной, но уже откровенной поп-музыкой. После этого Глюк с музыкой завязал, посвятив себя семье, детям и работе.

Басист, вокалист и автор большинства текстов распавшихся «Мертвых душ» Николай Морарь сосредоточился на работе основанного им домашнего лейбла HMR-records. Используя разнообразную советскую аппаратуру, «творческая лаборатория HMR» один за другим выпускала релизы как индустриальных проектов Мораря, так и альбомы его друзей разной степени слушательности. В частности, на HMR был выпущен альбом one-man band «Женщины», состоявшей из шоумена группы «Предпоследнее искушение» Константина Гусева – странная запись называ-

лась «Будь женщиной» и представляла собой эксперименты Кости с древними синтезаторами и драм-машиной «Ритм-2».

Не обходилось и без мистификаций – в один из вечеров на HMR-студии был записан материал, который позднее выдавался посещавшим это место поклонникам «Гражданской обороны» (но их в 90-е было еще немало), за «концерт ГО в Кемерово». Естественно, «неизвестная live-запись Летова» однажды ушла в народ, и более того, несколько лет назад автор этой статьи наткнулся на ее оцифровку в Сети. Называлась она, конечно же, «концерт "Гражданской обороны" в Кемерово».

Об одном из резидентов HMR нужно рассказать подробнее. Алексей Быков, взявший себе псевдоним Трутень, начал свои музыкальные эксперименты в 1991 году. В 1992-м под названием «Оно» были записаны панк-альбомы «Оскомина» и «Свистопляс» – быстрые, едкие, неполиткорректные, наполненные нецензурной лексикой и оскорблениями всех и вся песни с абсолютной мамлеевскими сюжетами. Электрическому составу «Оно» выступить не удалось ни разу – сегодня Трутень если и известен кому-то, то лишь благодаря своим акустическим записям.

В 2008 году прошел слух, что Алексей готовит три новых альбома, однако дальше этого заявления дело не сдвинулось. Еще несколько лет назад Трутень вполне успешно занимался бизнесом – как, впрочем, и во время записи некоторых своих альбомов. И эти песни стоит послушать. Хотя бы для того чтобы понять, как в одной голове может сочетаться строительная смета и изощренная некрофилия. Если бы в Сормове однажды захотели играть дарк-фолк, то он был бы именно таким.

Одновременно подполье развивалось и на другом конце города – в Щербинках, где действовал основанный пионером нижегородской экспериментальной музыки Никитой Борисовым лейбл O.R.records. Сотрудничавший со словацким лейблом Aries и переписывавшийся с Варгом Векересом, в 1994 году Борисов познакомился с Морарем из «Мертвых душ». Итогом этого знакомства стал первый нижегородский индустриал-проект «Христос Пантократор». Похожий на Егора Летова времен альбома «Война» мизантроп и напоминавший классического черносотенца угрюмый философ смогли создать то, что сегодня принято называть «культурным явлением».

«Христос Пантократор» ни разу не выпустили на сцену ввиду скандальной репутации, а также – не в последнюю очередь – из-за названия. Их первые студийные работы – строгое чередо-

вание не всегда стилистически совпадающих вещей из акустических программ обоих авторов. В 1995–1996 годах они создавали уже масштабные нойз-панорамы, а перед распадом, в 1997-м, выпустили самый сильный релиз Theos, в котором конкретный материал совмещался с шаманскими психоразработками.

Так о творчестве ХП писал ныне не работающий сайт «Кто есть кто в горьковском роке»:

«...Характерна вещь "За столом молчания" – это 20-минутный бред, где под бесконечные чередующиеся циклы Борисов вываливает на слушателя поток диких впечатляющих образов, создающих вкуче с несообразными интонациями непередаваемое ощущение. Обратная сторона медали здесь – полная индифферентность авторов относительно реакции возможного слушателя. Если в первых записях музыканты хотя бы применяли текст, то в альбоме «Ынывыртыта Ши Хора» основной концептуальный материал был исполнен по-молдавски, а впоследствии Борисов написал несколько песен, слова в которых представляли собой склейку из разных мертвых языков...»

На какое-либо понимание со стороны слушателей тандем не рассчитывал, и весной 1997-го группа прекратила свое существование.

С распадом «Христоса Пантократора» фактически прекратил свою деятельность и O.R.records. При этом за прошедшие годы лейбл выдал массу интересных релизов: от издевательского проекта «Семечко» до шумовых «Пасхабоса» и МТМ. Одним из самых заметных резидентов O.R.records был Дмитрий Баранов – вокалист и автор текстов автозаводской постпанк-группы «Люби Ивана». Вместе с Борисовым и Морарем он реализовал проект «Шея», трио выпустило два альбома: «Клей» и «Космонавтика». На записи можно выделить несколько потенциальных хитов, однако проект задумывался как разовый и почти моментально закрылся.

К слову, на обломках той самой группы «Люби Ивана» родился еще один знаковый для нижегородского андеграунда проект – «НХЛ». Его лидером стал работник Горьковского автомобильного завода Андрей Бугров, поражающий многих тем, что мог, например, глумливо похихатывая, читать Хайдеггера. Также заметным автозаводским электронным дуэтом на излете 90-х была «Рыба фугу», созданная Артемом Мольковым и Владиславом Кальпиным. Как писали критики, они исполняли «тяжелый полупанк-электронный индустриал с тюремно-социальными текстами». Что, в целом, неудивительно – Мольков был не понаслышке знаком с российской уголовно-исполнительной системой.

Где это было

Одной из «точек силы» нижегородского андеграунда 90-х можно назвать репетиционную базу в Сормовском машиностроительном техникуме – ее основателями считались невероятно популярные металлисты «Буцефал». Именно здесь началась история «Мертвых душ», здесь проходили репетиции «Отсутствия» и многих дружественных им коллективов. К концу десятилетия «точка» в СМТ постепенно угасла, как и репетировавшие в ее стенах команды.

Упомянутые HMR-records и O.R.records, представлявшие собой обычные городские квартиры, также аккумулировали вокруг себя «интересующихся». Квартирник Трутень и его друзей где-то в заброшенном здании в Московском районе эпически вошел в историю как запись «Сейшена в Клиторе», собственно, Клитором эту «заброшку» они и называли.

Естественно, всем этим группам надо было где-то выступать. Концерты, проходившие, как правило, в формате сборной солянки, собирали невероятно разношерстную публику – от человека, вещавшего про «теорию пипцов» (что это такое, никто не знал, но он рассказывал ее всегда), до парня, самозабвенно танцевавшего с вырванной из пола доской. С другой стороны – а как вы представляете себе посетителя концерта, на котором играют и трэш-метал, и нечто похожее на «Аквариум», и готическую волну, заканчивая все это спонтанным выступлением панк-группы, состоящей из 13-летних школьников?

Конечно, концерты на площадках 1990-х – в «Спутнике», ДК им. Свердлова, ДК железнодорожников или в ДК речников – проходили в особой атмосфере «лихого» десятилетия. Баров с крафтовым пивом и бургерами не было в помине, поэтому посетители готовились к соприкосновению с искусством где придется, часто не попадая на саму вечеринку. При этом охрана закрывала глаза на состояние гостей – отчасти потому, что и музыканты на сцене порой выглядели не лучше.

И что?

Можно сказать, что к концу 1990-х этой сцены уже не существовало. Кто-то разругался со вчерашними единомышленниками, женился, уехал в другой город или отправился за решетку. Кто-то просто разочаровался, а кого-то, к сожалению, уже нет в живых.

Андеграунд 1990-х не оставил после себя ничего, кроме нескольких десятков записей, оформленных в схожей черно-белой стилистике, и пожелтевших страниц самодельных журналов, тексты которых представляют собой изощренную мистификацию. Чем, собственно, и была вся эта история. ■

HEATTECH

Мягкое на ощупь белье с функцией удержания тепла, разработанное совместно с Toray Industries, Inc., ведущим японским производителем тканей и текстиля. При производстве белья используются четыре вида пряжи для обеспечения максимального впитывающего эффекта и удержания тепла в воздушных карманах ткани. HEATTECH выпускается в трех вариантах: стандарт, экстратеплый и ультратеплый, для того чтобы обеспечить защиту от зимнего холода для людей по всему миру.

ДЕНИМ

Главная задача Исследовательского центра в Лос-Анджелесе, который основал UNIQLO, – создавать джинсы, которым нет равных в мире. Акцент при этом сделан на трех ключевых элементах качественного продукта: ткани, посадке и отделке. Специалисты центра сотрудничают с ведущими производителями тканей и проводят исследования в сфере инновационных технологий с целью сделать джинсы комфортными, а их дизайн – эксклюзивным.

УЛЬТРАЛЕГКИЕ ПУХОВИКИ

Изготовлены из сверхтонкой и прочной ткани, которая не дает пуху сбиваться в комки и вылезать, при этом сохраняя тепло. Каждую модель можно носить как самостоятельную верхнюю одежду, а зимой использовать как дополнительный утепляющий слой, не создающий лишнего объема, под пальто или куртку. Использование ультратонкого нейлонового волокна позволяет свернуть все модели и положить их в небольшой мешочек, который поместится даже в клатч.

ТРИКОТАЖ

Модели из кашемира, мериносковой и овечьей шерсти стали неотъемлемыми деталями любого гардероба. UNIQLO тщательно следит за всеми этапами производства тканей, начиная с поиска редких сортов шерсти и заканчивая выбором способов окраски пряжей, вязания и отделки, чтобы обеспечить своим покупателям продукцию высшего качества по доступным ценам.

Новый магазин UNIQLO в Нижнем Новгороде начал свою работу 25 августа. Как и во всех магазинах японского бренда, в UNIQLO, расположенном в ТРЦ «Фантастика» (ул. Родионова, 187) на 1-м этаже, представлена функциональная, качественная и комфортная одежда лаконичного дизайна, созданная в рамках концепции LifeWear (пер. – «Одежда для жизни»). Это одежда, в основе которой лежат японские ценности: простота, качество и долговечность. Одежда вне времени и на все времена. Ее отличает современная элегантность, задающая тон вашему стилю. Совершенная рубашка, которую всегда можно сделать еще лучше. Лаконичный дизайн из продуманных современных деталей. Сшитая из лучшей ткани, она сидит по фигуре и доступна каждому.

Челноки

Моду 90-х в основном формировали челноки, которые в огромных клетчатых сумках привозили джинсы, пуховики и свитера с надписью Boy. Польша, Турция, Лужники – вот любимые маршруты нижегородских предпринимателей, которые честно купленное за рубежом и в Москве продавали на местных рынках и в комиссионках. «Селедка» поговорила с бывшими челноками о рэкетирах, выручке и насосах «Малыш»

Текст: Андрей Амиров, Александр Курицын

Руслан Станчев, генеральный директор радиостанции «Радио Рандеву», главный редактор РБК-НН:

– В начале 90-х я был студентом, и это было очень нищесное время. У меня была повышенная стипендия в сельхозакадемии, 50 рублей, так вот купить на нее можно было в переходе Московского вокзала восемь пачек сигарет у цыган, и все. С работой было сложно: предлагался в основном какой-то тяжелый труд типа разгрузки вагонов по ночам. Я же был всегда подвижным, спортивным, неприхотливым. Для меня передвигаться по стране и миру, ночевать в поездах, гостиницах, на вокзалах не было проблемой, и я решил занять активную жизненную позицию. Где-то в возрасте 19 лет, на третьем курсе, мы с товарищем одолжили денег у разных людей (сейчас не помню сколько – какие-то суммы, измеряющиеся сотнями рублей) и приобрели разного вида товары. Например, на Сосновском заводе у местных мужиков скупали инструменты, которые нам продавали кто за ящик водки, кто за наличные. Понятно, с большими скидками, хотя тогда и слова такого не было. Моим коньком были насосы «Малыш» – это механические поливалки, орошающие дачные участки. Они продавались у нас в хозтоварах, стоили дешево, но пользовались совершенно диким спросом в Венгрии и Польше, у них подобные штуки стоили очень дорого. Нагруженные этими железками и едой (экономить приходилось на всем), мы сядились на Московском вокзале в плацкарт Горький – Москва. Оттуда добирались до города Чоп, приграничного с Венгрией на Украине, проходили границу и дальше несколько недель находились на территории Венгрии. Когда вернемся, сколько у нас времени займет реализация всего товара – этого мы не знали. Продавали, например, в Будапеште на вполне цивилизованном рынке, где платили около трех долларов за торговое место. Один раз попали на другой рынок, к нам через секунду подошла так называемая чечено-ингушская мафия – бравые южные ребята, которые попросили сразу 20 долларов в день за место. А это уже большие деньги: у нас, может быть, всего было банок по десять. Я говорю своему товарищу: «Что делать будем?» Он: «Ну, валить отсюда надо». Пока эти ребята отошли, мы быстро взяли вещи и собрались уходить, но они вернулись и погнались за нами. Я никогда не забуду, как мы со своими 150 килограммами товара бежали и запрыгивали на трамвай, помогая друг другу. Незабываемо ушли от погони.

В какой-то момент за границу стали приезжать целые паровозы советских людей, которые вынужденно оказались в условиях этого нового капитализма, пытаясь встроиться в новые рыночные отношения. Несчастные учителя, врачи, бабушки, которые везли из дома какие-то светильники. Они покупали тур на три дня, приезжали и пытались за это время, неопытные, все это продать. У них, само собой, не получалось. Мы же, как рыночные капиталисты, скупали у них то, что они не успевали реализовать: «Ну не обратно же вы это повезете»; «Давайте мы у вас по себестоимости возьмем» – вот наши ключевые фразы были. Им деваться было некуда. Мы выкупали

все это, и у нас снова появлялся товар – две тележки по 150 килограммов.

Выручка всегда была разная: 200, 300, 400 долларов. На заработанные деньги мы покупали товары народного потребления. Стандартный ассортимент – кроссовки, джинсы, джемпера разные. В основном одежду и двухкассетные магнитофоны. Японские были дорогими, мы везли корейские, гонконгские, китайские, не Panasonic, а Palasonic, или был такой Asaka. Все это привозилось в Россию, сдавалось в комиссионный магазин, в котором с еще большей наценкой их продавали, мы получали деньги обратно, вкладывали их в новый товар, и так до бесконечности.

Дважды в месяц мы выезжали за границу. Цикл был неделя через неделю. Жили в общежитиях, в складчину снимали квартиры втроем, вчетвером. Один раз даже готовили суп в раковине, кипятильника не было. Еще надо было как-то есть, передвигаться на транспорте. Ну и потом, надо понимать, что по сравнению с 1991-м доллар девальвировался. Тогда он в восемь-девять раз был более значим, чем сейчас. Потом, когда стали появляться деньги, жить стало слаще, мы начали ходить в кафе, покупали всякие сникерсы, кока-колу, модную одежду.

Проникновение через границу – это была целая общевоинская операция, потому что украинские пограничники очень любят кэш. Любили тогда и, видимо, любят сейчас. И все это в нарушение законов, потому что такие грузы, – колоссальное количество этих «Малышей» я туда вез, – по декларации же можно ввезти было только один. Понятно, кладешь 20 долларов таможеннику в паспорт – и проходишь спокойно. Очереди гигантские на таможне, приходилось по два дня ночевать прямо на вокзале на рюкзаках. Обратный путь в Россию был еще смешнее – все знали, что все едут с деньгами и с товаром. На моих глазах в поезде из Польши в Вильнюс человек отказался платить 20 долларов за так называемый «проезд», так его поймали в тамбуре и просто скинули на полном ходу. Я не знаю, что с ним случилось в итоге, но для меня это был дикий шок. С тех пор я понял, что надо договариваться абсолютно со всеми. Эти приграничные накладные расходы были заложены в маржу. Шмон бесконечный, таможенники могли просто из твоего чемодана взять какую-нибудь вещь себе. В общем, вели себя отвратительно.

Мы много работали с комиссионными магазинами. Через них можно было легально продать любую вещь, туда принимали все, но стоимость зависела от оценщика. Принцип такой – тыносишь товар, говоришь: «Вот, смотрите, у меня вещь – хочу ее продать». Если там женщина за сорок, с шиньонем и красными губами, то, конечно, она не понимает, что такое кроссовки Nike, ей сложно оценить, что это может стоить 200 рублей за пару, она не понимает, потому что есть же «Прощай, молодость» за семь, как это может стоить 200? Поэтому для начала нужно было разобраться, в каких комиссионках работают адекватные оценщики. Некоторые товары в одном месте принимались хорошо, в другом – нет. Бывало так, что ради хорошей цены нужно было проехать целый ряд комиссионков.

Деньги челночеством зарабатывались тяжело – это был адский физический, эмоциональный и интеллектуальный труд, надо было понимать, что везти, какая конъюнктура, что покупают

в России, какие джинсы, каких марок, сколько это стоит, в какие комиссионки все это нести. Это была такая сложная драматургическая работа, но, например, кроссовки Nike и Reebok всегда были в цене. Джинсы Lee Cooper, я уж молчу про Levi's, никто не покупал, эти марки просто не знали. А вот турецкие джинсы-«мальвины» всегда улетали моментально, два дня – и все превращалось в деньги. Длилось это достаточно долго, года полтора. Потом аккуратно стало затухать, случилось насыщение рынка в Венгрии и Польше. Очень многие туда стали ездить, цены падали, везти все это было невыгодно.

Те, кто начинал челночить в конце 80-х, сняли настоящие сливки – рентабельность была 1000%. Мы уже были в конце, хоть я и не жалею. Это была такая «школа капитанов». Через два-три месяца подобной работы у меня появились деньги, некий стартовый капитал

в несколько тысяч долларов. Но я же был молод и любвеобилен, поэтому прогуливал все. Мы называли это время порой романтического капитализма. Многие из челноков так сколотили свое первое состояние, например, тот же Роман Абрамович так начинал. Он, видимо не кутил, а откладывал. Знал бы прикуп – жил бы в Сочи.

Ирина, инженер:

– Я стала челноком в 91-м и занималась этим 23 года. До этого работала инженером на предприятии «Эра», выпускавшем подводные лодки. Но надо было как-то

выживать, и я решила отсюда уйти. Зарплату за месяц, которую я там получала, когда стала торговать, зарабатывала за день. Допустим, привозила женские дорогие красивые костюмы, продам все и иду домой – с почти пустой сумкой. Сначала ездила за вещами в Москву, потом перешла на границу. Польша, Арабские Эмираты, Турция. Примерно три года назад окончательно прикрыла все, налоги и аренда съедали больше, покупательная способность сильно упала. Сейчас я работаю продавцом цветов.

В Польшу ездили через Москву. Для въезда требовался еще какой-то ваучер, нужно было, чтобы этот ваучер прислали знакомые поляки. Его показывали с заграничным паспортом как приглашение. Иногда ездили на военных поездах. Наши же войска стояли тогда в Чехии, по-моему, и в Германии. И мы на этих поездах, которые проходили через Польшу, проезжали и выходили там,

Иллюстрация: Анна Парфенова

где нужно. Я закупалась в городе ближе к границе между Польшей и Германией. Однажды пыталась даже работу там найти у немцев. Мне сказали, десять марок будут платить, – тогда марки были, – а я говорю: «Я десять марок сейчас за час заработаю, я русская». Помню, был год, когда пустили прямой поезд почти до Польши, Брест – Нижний Новгород, расписание было специфическим, шел он почти два дня. Потом нужно было покупать билеты на польскую электричку. Страшно иногда было. На вокзалах работали разные группировки. Помню, мы стояли на перроне, ждали электричку, и прямо у нас на глазах к двум русским мужчинам подошли какие-то парни, окружили и отобрали деньги – все же тогда доллары обратно вывозили. Еще как-то женщину порезали – поезда приходили в Варшаву очень рано, все сразу шли на рынок, и по дороге к нему встречались домики с арками в немецком стиле, вот там-то подкарауливали и грабили.

Товар мы возили в тех самых знаменитых клетчатых сумках, хотя, например, моя приятельница иногда просто с мешком ездил.

В Польшу из России тоже брали все что только можно. Разрешали, по-моему, блок сигарет, сколько-то литров спирта. Я помню, встанешь на рынке, разложишь все вот это прямо на земле, поляки приходят, что-то выбирают, покупают. Заработаешь польских денег, поменяешь на доллары и везешь их в Россию, где на них можно хоть как-то жить, потому что в стране тогда творился просто беспредел. Домой мы привозили всякие диковинные вещи типа лимонада в бутылках, шоколадки всякие. Полки же раньше совершенно пустые в магазинах были.

После Польши я немножечко поработала с Москвой – привозила немецкий трикотаж, у меня на него было очень

много заказов, популярная такая вещь оказалась. Потом стала летать в Стамбул, была связана с фирмой, которая занималась флористикой. Нас обучали делать композиции из цветов, фруктовые корзины, украшать интерьер. Тогда это было очень модно. Возила по 18 мешков этого добра, хранила все дома, у меня комната маленькая – и вся в мешках. Ко мне даже из Кремля приходили, пальмы заказывали.

В начале 90-х в Нижнем было не так много рынков. Я работала на Алексеевском на Черном пруду, он считался самым дорогим и модным. Мое место было прямо у центральных ворот, рядом стоял директор рынка Филиппыч. Народ толпами шел, особенно в выходные. Уходила с работы почти всегда налегке, все распродавалось. Один раз осталась какая-то одна вещь, так женщины-покупательницы чуть не подрались за нее: «Мне надо! Мне надо!» Были и зарабо-

танные клиенты. Я прилетала с покупки, они приходили, выбирали. Бывало так, что разбирали все за день, за два. На заказ я тоже много возила. Попозже вокруг рынка начали открываться магазины на первых этажах, которые со временем нас оккупировали. Ну а потом там построили торговый центр, и перед строительством его даже показывали по телевизору: люди пытались рынок отстоять, чуть ли не под машины бросались. Огромный рынок также располагался на Мещере, со всех пригородных поездов прямо туда по шпалам ходили.

Когда работала на Алексеевском, иногда на нас нападали, были постоянно какие-то разборки, особенно когда там нерусские стали торговать. Приходили: «Кому ты платишь? Кому ты платишь?» Я говорю: «Никому не плачу». Как-то сказала так стойко, что ко мне больше и не подходили. Потом по всему рынку облавы случались со стороны каких-то правоохранительных органов. Оккупировали, в черных масках, паспорта проверяли, все должны были товар показывать, документы на него. У нас два раза так было на Алексеевской. Знаете, сколько там людей обманывали? На Мещерке цыганка шубу, которая была искусственной, продала как норковую. Новость даже до нашего рынка долетела. Еще там было много наперсточников, они знали, где стоять, на рынки же люди с деньгами ходили.

Почему все это закончилось? Например, мой последний груз на сумму 10 000 долларов просто конфисковали на Украине. Еще перед тем как все это заварилось, Украина – Россия, он просто исчез – ни возврата, ничего. Это не первый раз. Так у многих было. Очень многие отправляли груз через Польшу, потому что там была растаможка только два доллара, а у нас вот последняя – 18 долларов с килограмма. Текстиль – одна цена; обувь – другая; дубленки, кожа – третья. И той же таможене постоянно отстегивать надо было. В последнее время все уходило на налоги и аренду. А еще проверки. Вот придут: «А у вас нет этих сертификатов, этих, этих, этих...» Придут к тебе: «Надо заплатить 4000, у нас там планировка, вот план». Я сейчас обратила внимание, сколько у нас всего закрывается, даже в торговых центрах. Сильный упадок, хоть тот же Путин, тот же Медведев говорят, что у нас все хорошо. У кого деньги были, уже все их съели. Средняя пенсия 8500. Конечно, в городе есть организации – военные получают 50 000, но кто из них пойдет покупать платье за 15 тысяч? А у меня в последнее время цены были примерно такого порядка.

Многие из тех молодых предприимчивых людей, что торговали тогда, сейчас переобучились, кто-то пристроился, кто-то уехал в Москву, кто-то за границу. Очень много умерло молодыми – все-таки работа у нас была безумно тяжелой.

Надежда Комарова, шеф-повар:

– В 90-е я работала в детском саду при исследовательском институте, муж – на одном из наших заводов. Зарплата была мизерная, надеть было нечего, а мы молодые. Хотелось быть не хуже, чем все, поэтому, когда мне рассказали о том, что можно в Польшу поехать за

товаром, сразу согласилась. Так и стала заниматься челночеством, в 92-м первая поездка в Польшу, потом быстро переключилась на Лужники.

Товар покупали разными способами. Например, в Дзержинске был завод «Заря», который производил эмалированную посуду, так вот там работали мои родители, поставившие мне по дешевке всякую некондицию, муж с завода «Синтез» какими-то левыми путями привозил электронику. Многое я сама скупала: чайники, плитки электрические, насосы какие-то нагревающие. Наша техника там пользовалась хорошим спросом.

Всего я в Польшу ездила три раза, запомнилась поездка перед Новым годом. Обычно руководитель группы челноков распределяла нас по квартирам для проживания, а мы приехали как раз в католическое Рождество – и нас никуда не могли подселить, там это все-таки большой и главный праздник, и все стирают, убираются, а тут мы со своими баулами. Продаж тогда у нас совсем не состоялось, не до нас было, зато я побывала в местном костеле, послушала органную музыку – воспоминания очень хорошие. Это уже после праздника на обратном пути мы закупились: джинсы, чайный сервиз «Мадонна», двухкассетный магнитофон.

На рынках в Польше не было никаких столов, обычно мы просто расстелили пленку или какие-нибудь цветастые салфетки, на которых и раскладывали весь товар. Торговали только русские, поляки с нами кое-как разговаривали: «Прошу, пани». Я была челноком начинающим, везла только для себя. Потом стала ездить в Москву с подругой, закупаться в Лужниках. Первый наш товар был – пуховики для женщин пожилого возраста, для начала, помню, взяли штук десять всего и продали их почти моментально на Канавинском рынке. Я втянулась и стала заниматься этим бизнесом, чем только не торговала: обувь, сумки, школьные товары, какие-то сезонные вещи. При этом совмещала это со своей основной работой в детском саду, в пятницу отправившись и ехала торговать на выходные.

Работала я в центре Канавинского рынка, там особенно народу не было. Потом он стал расширяться, и многие стали вставать вдоль рыночных стен. Я тоже так сделала и довольно быстро со всеми перезнакомилась. Товар мы всегда возили с собой – из Дзержинска в Канавино и обратно. Если мы опаздывали, нам девчонки, кто пораньше приезжал, места кирпичиками занимали. Потом мы решили начать торговать на Мещере, купили даже металлический лагерь в складчину, но торговля у нас там почему-то не пошла, хотя там, например, можно было товар хранить, а не на себе таскать. Потихонечку я от рынков отошла, торговала в итоге до 2000 года, закончила, потому что покупать перестали, рынок стал перенасыщенным, появились корейцы-китайцы, которые все цены перебили. Дохода хватало только на повседневную жизнь, никаких лишних квартир-машин мы не покупали. В какой-то момент мне нужно было выбирать: продолжать работать в детском саду или переключиться на эту челночную жизнь, но из сада уходить не хотелось, как оказалось, и правильно.

Я это время вспоминаю неохотно. Еще с тех пор не очень люблю ходить на рынок и не люблю, когда мне навязывают что-то при покупке, сразу разворачиваюсь и ухожу – не знаю почему. □

Самые популярные вещевые рынки в Нижнем Новгороде в 90-е: Мещерский, Канавинский (действует до сих пор), Алексеевский (на улице Алексеевской, где сейчас находится «Лобачевский Плаза») и Средней (где сейчас частично располагается торговый центр «Небо»)

Кино

У каждого свое кино

Сложно представить, но всего двадцать пять лет назад не было ни «Кинопоиска» со всеми его диванными экспертами; ни торрентов, где каждый может скачать, поступившись совестью, практически любой существующий фильм; ни даже такого широкого репертуара в кинотеатрах: хочешь – смотри современный блокбастер, хочешь – второго «Терминатора» в 3D или какой-нибудь спектакль Лондонского национального театра. Тогда киноманам нужно было проявлять терпение, чтобы дождаться выхода фильма, или сноровку, чтобы этот фильм в свой город привезти: связаться с режиссером, организовать перевозку копии, найти и договориться с кинотеатром. «Селедка» расспросила киноактивистов того времени о том, где в 90-е смотрели фильмы, как формировался репертуар и что пользовалось наибольшей популярностью у нижегородцев (спойлер: эротика)

Группа «Митьки» возле кинотеатра «Орленок» – гости киноклуба «Время», в центре – режиссер Алексей Учитель

В центре – Игорь Маштаков, один из активистов киноклуба «Время»

Александр Сокуров в кинотеатре «Рекорд»

Председатель киноклуба «Время» Павел Милославский с режиссером Отаром Иоселиани в аэропорту Риги

Киноклуб «Время»

Игорь Маштаков, журналист, синефил:

– В 1987 году умные и немножко еврейские мальчики из культурных нижегородских институтов ИПФ РАН и НИРФИ решили собираться вместе, чтобы смотреть и обсуждать кино. Тогда начался процесс культурного, политического и экономического брожения, и во многих городах одновременно стали возникать такие киноклубы – я не был основателем, но подклубился на ранней стадии. Тогда мы собирались в кинотеатре имени Минина, когда он еще не стал климатъевским Росссо, – это было одно из главных тусовочных мест, удобных для студентов, потому что он находился рядом со многими институтами: политехом, водным, лингвистическим, – и все, кто хотел от лекций откосить, могли смело туда идти, даже не зная сеанса: там было три зала, и кино шло параллельно во всех. Назывались они очень странно: один был красным, другой – зеленым, третий – розовым, причем к оформлению это никакого отношения не имело. Розовый зал находился во втором этаже и считался залом кинохроники, там крутили такие непонятные фильмы, как, например, «Индийские йоги. Кто они?» или фильм «Обыкновенный фашизм». Это помещение было меньше остальных залов и находилось даже не на втором этаже, а почти на чердаке, там, в итоге, мы и собирались.

Сделали юридическое лицо, чтобы получить официальный статус, и зарегистрировались как «Киноклуб «Время»» – название, возможно, не слишком удачное, но тогда все киноклубы назывались одинаково: какой-нибудь «Кадр» или «Ранкурс». Первым фильмом, который мы посмотрели уже как кинолюбники, была «Ступень» режиссера Александра Рахвишвили. Откуда эти фильмы появлялись, я даже и не знаю, наверное, это заслуга тех, кто стоял у истоков. Кроме того, были сами режиссеры, заинтересованные в том, чтобы их фильм дошел до зрителей, которые и везли сюда все эти бобины. Однажды к нам приезжал Юрий Арабов и привез, кроме своего фильма, «Андалузского пса» Бунюэля, причем он перепутал и вместо негативной копии привез позитивную, но мы так хотели его увидеть, что все равно посмотрели от начала до конца.

Какие-то альтернативные попытки были, кто-то собирался в «Рекорде», но официально киноклуб существовал в нашем городе один. Более того, нас приглашали в Москву на всякие кинотусовки: по льготным ценам выделялись билеты на кинофестивали, и мы туда ездили, как сумасшедшие, целыми командами, потому что открылись двери, которые столько лет были закрыты, и хлынула вся эта кинопродукция: и хорошая, и плохая.

Мы сами формировали свой репертуар, собирались в определенные дни и смотрели только то, что хотим. А потом происходило самое главное – обсуждение, все бросались умничать: как только вылезали титры, кто-то вскакивал, начинал объяснять, что мы тут увидели, а кто-то другой начинал с ним спорить. Кроме того, мы приглашали гостей. Помимо Арабова, к нам приезжали Юрий Норштейн, Николай Бурляев, Александр Сокуров, Николай Мейнерт, Геннадий Полока, Виктор Авилов, знаменитая арт-группа «Митьки», да много кто. С Бурляевым была очень неловкая ситуация. Обычно все авторы, которые привозили свои фильмы, объявляли картину и куда-нибудь уходили с организаторами есть-выпивать, а Бурляев вроде бы ушел, а потом вернулся назад, чтобы посмотреть на нашу реакцию, и стоял сзади, слушал. А в киноклубе, так как все друг друга знают, всегда в процессе делаются какими-то комментариями, и мы очень едко этот фильм охаяли. Когда включился свет, он стоял белый как стена и кусал губы. Нам было очень неловко! Он ведь был уважаемый актер, снимался у Тарковского, правда, решил в тот момент перекалфицироваться в режиссеры и снял совершенно беспомощный фильм про Лермонтова, который нам и привез.

Через какое-то время к нам присоединился Павел Милославский, и началась немного другая деятельность, которая расширялась за рамки киноклуба. Павел снимал площадки, так как кинотеатр имени Минина приказал долго жить, причем площадки солидные: ДК железнодорожников, университетские залы, даже в ТЮЗе были показы – вместо экрана там опустили занавески и включили «Имя Кармен» Годара. Народ туда ломился капитально, помню, что мне люди обрывали телефоны, и я откладывал по 20–30 телефонных.

Какой-то одной причине, почему пик активности начал спадать, не было. Поток фильмов нарастал, появлялись другие каналы, по которым можно было смотреть кино, в том числе VHS-кассеты, на которых можно было два фильма спокойно дома посмотреть. Появились видеосалоны, коммерциализированные кинотеатры, и из-за обилия кино: хочешь – «Рэмбо» смотри,

хочешь – «Греческую смоковницу» – народ начал немножко терять интерес; киноклуб лишился своей остроты, да и мы наелись уже этой тусовки. Ну, «Пролетая над гнездом кукушки», да, чего его обсуждать?

Кинотеатр «Спутник»

Максим Скворцов, владелец кинозала «Спутник»:

– Что собой представлял «Спутник» в то время, можно оценить, посмотрев в сборнике короткометражных фильмов «У каждого свое кино» новеллу Кончаловского «В темноте». История о том, как в пустом советском кинотеатре на сеансе Феллини «Восемь с половиной» сидят только билетерша, готовая бесконечно пересматривать этот фильм, и парочка на последнем ряду, которую совершенно не интересует происходящее на экране. Это наш типичный «Спутник», только сиденья у нас были фанерные, жесткие, и Феллини никогда не показывали. Дневных двух-трех сеансов практически никогда не было: первый сеанс, на который могли забрести зрители, был только в 16:00 – и то не всегда киномеханик запускал фильм. Во всех советских кинотеатрах того времени было определенное количество зрителей, при котором сеанс мог состояться. В «Рекорде», кажется, два билета, в «Спутнике» – три, в некоторых других кинотеатрах – четыре. Просто невыгодно было тратить ресурс дешевой лампы кинопроектора и десять киловатт электроэнергии ради одного зрителя. Поэтому нужно было или ждать, надеясь, что кто-то еще придет на этот фильм и показ состоится, или купить три билета и наслаждаться персональным сеансом.

Как рассказывала директор кинотеатра Галина Григорьевна Филиппова, «Спутник» всегда был кинотеатром повторного фильма, новые ему не слишком часто доставались. Риснула она как-то взять на неделю у прокатчиков новый фильм с Шоном Коннери «Западня». Условия были такие: выручка пополам, но прокатчику не менее двадцати тысяч. За неделю получалось собрать только десять, в итоге еще десять кинотеатр отдал из своего кармана – такой вот кинобизнес. Галина Григорьевна долго потом сокрушалась, что фильм этот для нас оказался самой настоящей западней.

Другая история Галины Григорьевны была из начала 90-х. Однажды пришли

к ней какие-то люди и предложили поставить в прокат «Калигулу» – тот самый эротический фильм Тинто Брасса. Всю неделю кинозал был просто битком на всех сеансах. А спустя полгода или год пришли к ней в кабинет уже другие суровые ребята в кожаных куртках. Оказалось, что какие-то аферисты украли эту кинокопию у прокатчиков в Прибалтике и предлагали в российских городах ее для проката. Как ей удалось уцелеть в той истории, она сама не понимала. Все господа Бога постоянно упоминала в разговоре с ними – считала, что именно это ее и спасло.

В свое время «Спутник» был известен своими видеосеансами. Несколько небольших комнат, раскиданных по всему зданию (кажется, их было четыре), были оборудованы под видеозалы. В каждой два-три десятка стульев и телевизор. Чтобы киномеханику не нужно было никуда далеко ходить, прямо у него в киноаппаратной разместили четыре видеомагнитофона, и он успевал не только запустить фильмы с киноплёнки для основного зрительного зала и следить, чтобы лента не порвалась и не загорелась, но и точно по расписанию включать нужную видеокассету для нужного кинозала. Каждое воскресенье кто-нибудь из киномехаников ездил на видеорынок на площадь Ленина, обменивал видеокассеты и привозил новую порцию фильмов. В репертуаре была преимущественно эротика. Галина Григорьевна любила повторять фразу: «Только благодаря нашим сеансам нижегородские мужики научились любви!» А ведь в те времена за эротику могли и срок дать, даже за такой невинный фильм, как «Греческая смоковница», поэтому про некоторые сеансы сообщали только постоянным зрителям. Иногда какие-то странные личности в штатском пытались что-нибудь выведать, но билетерша на входе видела их насквозь, и про секретный сеанс не говорила ни слова. «Я сразу вижу, что это не наш зритель. Да и своих постоянных клиентов мы уже в лицо знаем». Один из киномехаников вспоминал, что, когда он работал в кинотеатре имени Маяковского, где сейчас находится галерея Futuro, это был единственный кинотеатр в городе, где показывали видеофильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом, Ван Даммом и Шварценеггером на большом экране. Два или даже три месяца там крутили по вечерам «Греческую смоковницу», и порой была такая давка на входе, что приходилось вызывать милицию.

Всю эту эпоху видеосалонов в «Спутнике» я практически не застал. Комнаты видеозалов уже сдавали в аренду под магазины, кафе, офисы. В кинозале часть первых рядов демонтировали, построили деревянную сцену и периоди-

чески проводили рок-концерты нижегородских групп, собиравшие порой по 500–700 человек. Полкомнатные кресла, залитый пивом пол, в туалете столбы табачного дыма, а иногда и не только табачного. В общем, обычные атрибуты рок-концертов.

Я уже тогда был знаком с директором «Спутника», и когда предложил ей идею попробовать показывать на большом экране клипы и концерты, она сразу согласилась: зрителей на сеансах все равно практически не было, почему бы и не рискнуть. С меня – видеопроектор и звук, с кинотеатра – ежедневно один свободный вечерний сеанс. Фильмы я тогда показывать совсем не планировал, считал, что клипы и концерты на большом экране – это более интересная, оригинальная идея. В марте 98-го первыми концертами «Спутника» стали Милен Фармер, Жан-Мишель Жарр, Селин Дион. Первоначальный оптимизм сразу поубавился, на сеансы приходили не 50–100 человек, а пять или десять, иногда пятнадцать.

Дежурный на телефоне по несколько раз в день отвечал на телефонные звонки. «Здравствуйте, я на вашей афише видела, что у вас будет концерт Милен Фармер. Она что – действительно придет даже не в Москву, а к нам, в Нижний? В «Спутник»?», или «У вас будет концерт Pink Floyd? Вы что, смеетесь, они же давно распались», или же «Queen? Постоите, но Фредди Меркьюри же умер!». Это были не шутники, некоторые люди реально думали, что к нам приедут Depeche Mode, Dire Straits и даже Элвис.

Забавная история произошла с показом фильма «Кислотный дом» – это экранизация трех рассказов шотландского писателя Ирвина Уэлша, автора известного романа «Трайнспоттинг». Приходит к нам мужчина с двумя дочерьми, им лет 14–15. Я кассирша тихо говорю, что у него рейтинг 16+, там такие истории, после которых два часа перед ним извиняться будем. Кассирша стала мужчину уговаривать, мол, не стоит вам такое смотреть. А отец все твердит: «Что уж такого может быть в фильме, что его нельзя посмотреть? Чай, взрослые уже». Минут десять с ним контролер спорила, потом наконец сдалась, но заставила упрямого отца собственноручно написать документ и в нем расписаться: «Я, папа, разрешаю своим детям просмотр этого фильма. Меня предупреджали о недопустимости просмотра этого фильма».

До сих пор храню ту видеокассету и расписку. Реликвия. Кстати, папа с дочерьми после первой же истории ушел из зала со словами: «Дурь какую-то показываете». ☐

МИРОВЫЕ ЗВЕЗДЫ АРГЕНТИНСКОГО ТАНГО

SOLO TANGO ORQUESTA

(Москва)

Танцоры

Christian Marquez
&
Virginia Gomez
(Аргентина)

Jonathan Saavedra
&
Clarisa Aragon
(Аргентина)

Кремлевский концертный зал,
20 ноября, 19.00 6+

ЗАКАЗ БИЛЕТОВ: 428-99-99 ☺ KASSIR.RU

redkassa.ru

**БИЛЕТЫ
БЕЗ НАЦЕНКИ**

+7831 2809797

Медиа

История рубрики посланий. IPP-801

Юлия Кальсина

«Есть ли в нашем городе общество нудистов. Т. 23-88-70». С такого сообщения началась рубрика IPP-801, своего рода «бумажного ватсапа». На дворе – 1993 год. На страницах газеты «Из рук в руки» молодежь Нижнего общается и знакомится, а потом встречается в офлайне и тусит. Редактор портала nn.dk.ru Юлия Кальсина – о друзьях по переписке в 90-х.

Фото: Елена Кастова

несколько псевд, одно псевдо могло быть совместным творением группы людей, и ничто не мешало кому угодно подписаться чужим псевдо. Такая ситуация сохранялась вплоть до появления соцсетей, когда виртуальные друзья стали массово знакомиться в офлайне.

Commander Хэлл, в миру Александр Виноградов, редактор рубрики посланий IPP-801, погружаясь в воспоминания о своих девяностых, сразу предлагает не «выкаты»: «Я же не член Политбюро, а тусовщик на пенсии»:

«Скорее всего, первые послания были просто пародиями на обыкновенные объявления. И тут их заметила молодежь. Кто-то пытался продать коллекцию вкладышей к жвачкам, кто-то – купить подешевле Жюль Верна и Герберта Уэллса, кто-то с 16 лет владел киоском на Московском вокзале и искал мелкий опт, но в основном молодежь интересовала рубрика знакомств и поздравлений. Неудивительно, что послания, как только выделились в отдельную рубрику, сначала стали небольшим дополнением к ним, а потом чуть было их не поглотили».

Усталые газетчики, набивающие в текстовых редакторах, допускали забавные опечатки, которые стали частью «сорокоманской» (по названию питерской газеты «Сорока» – будущей «Из рук в руки»), в которой появились первые послания) атмосферы: «Нижегородская международная Ассоциация жертв коммунистического террора от всего сердца благодарит частных лиц и организации, оказавшие поддержку нашей деятельности. Всем коммерческим структурам, выделившим средства, будут выданы справки для налог. инсп.».

Язык посланий использовал сокращения и аббревиатуры, чтобы вложить как можно больше мыслей в 250 символов. В него входили заимствования из языка бесплатных объявлений (б/о, б/п, в/о, ч/ю, в/п и т.п.), из языка Fidonet (LOL, IMHO, FAQ, aka, ROFL, офтолик, ППКС, эхотаг... даже хайлайновский TANSTA AFL) и собственные сокращения выражений (ЭНФ – «это констатация факта»; ТЦПП – «тетя цензор, пропусти, пожалуйста»; ПЯН – «привет, я новенький»; НДВ – «не для всех»; ЯС – «я согласен»).

«Сорокомания» была довольно медлительной и ненадежным способом обще-

ния – послание могло потеряться на почте, его могла не пропустить редакция, а из-за большого потока сообщений ответ мог быть опубликован через 2–3 месяца. Но других таких каналов общения не было, и везде, где рубрики посланий возникали, они сначала вырастали, а потом порождали тусовку.

С самого начала «сорокомания» создала вокруг себя особую среду. Почти в каждом городе, где возникала рубрика посланий, немедленно образовывался круг людей, активно занимающихся, помимо написания посланий, разнообразной созидательной деятельностью. Участники движения часто не ограничивали свое творчество посланиями, и практически всегда рядом с подобной рубрикой появляются литературные странички, стихи и рисунки читателей, статьи, выражающие взгляды на этические, социальные и культурные вопросы и события, возникают театральные и музыкальные объединения, начинают проводиться праздники, концерты, игры.

Вот примеры посланий из IPP-801 от 28 октября 1993 года:

«Всем привет! А вы пробовали лучшее тропическое лакомство – если нет, то зря! Жду тогда в гости на Антильские острова. Большой Американский Таракан».

«Terminator! В моем шерифстве есть ребята покруче, такие как Робот-полицейский и Универсальный солдат. И помни слова твоего деда – Терминатора 1: "Я вернусь". Sheriff».

«OHMS. Быть может. Назовите, пожалуйста, моменты нашей встречи, о которых мы знаем только вдвоем. В пределах разумного. Леди».

«Commander Хэлл! У тебя летающая тарелка, у меня – истребитель. Может, махнемся на неделю нашими "транспортными средствами"? Я свою квалификацию повышу. Crazy Spanish Pilot».

В Нижнем Новгороде уже к концу октября 1993 года, когда рубрика разрослась на целую страницу очень мелким шрифтом и там стали появляться постоянные персонажи, возникла идея собраться и познакомиться. 28 ноября по инициативе OHMS состоялся первый День знакомств (ДЗ), на который при-

шло одиннадцать человек. К весне 1994 года на площади Горького регулярно собиралось около ста тусовщиков, а по праздникам – все триста. ДЗ был весьма разнородной тусовкой по социальному положению. В ней встречались и мажоры («дети министров, юристов и профессоров»), и книжные дети, и туристы/музыканты в третьем поколении, и пролетарии, и представители всех неформальных течений, и просто брадьяги-беспризорники.

Анна Туруханова, читательница IPP-801, писавшая под ником Romantic Girl, говорит: «На ДЗ собирался весь актив рубрики IPP-801, поэтому через какое-то время все друг с другом перезнакомились. Во время стационарных телефонов были большой редкостью, что говорить о мобильных телефонах и пейджерах. И если ты за неделю договорился о встрече в определенном месте, то в назначенное время был там».

«Дэзистами» были старшекласники и студенты первых-вторых курсов вузов, которые выросли. У тусовщиков появлялись взрослые дела и заботы. Возможно, дальнейшему развитию рубрики посланий помешала возрастная однородность ее активистов, которые, взрослея, стали складывать в сознании «сорокоманию» на полку «ошибки юности, о которых лучше забыть».

«Причины исчезновения посланий в газете «Из рук в руки» мне неизвестны, – говорит Александр Виноградов. – Газета должна быть серьезнее, – такое мнение руководства группы газет IPP было передано нижегородским сорокоманам в апреле 1994 года».

Жизнь рубрики посланий в «Из рук в руки» была недолгой – меньше года. Однако история этого явления для Нижнего Новгорода не закончилась. Послания появлялись и исчезали в газетах «Молодежная стрелка», «Утя», «Петрович» вплоть до конца 90-х. История закончилась, а память осталась.

Предпосылки для появления «сорокомании» существовали в довольно узком промежуток времени. И частью для постсоветского Нижнего, тут она успела в эти временные рамки. И отвлечена часть молодежи от наркомании и алкоголизма в те «лихие девяностые».

IWAN DORNI

22 ВОСКРЕСЕНЬЕ
ОКТЯБРЯ
НАЧАЛО 19:00

MILO®
CONCERT
HALL

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО АЛЬБОМА

redkassa.ru БИЛЕТЫ БЕЗ НАЦЕНКИ +7831 **2809797** БИЛЕТЫ: 428-99-99 ☎ **KASSIR.RU**

БИЛЕТЫ В КАСЕ MILO CONCERT HALL (ЕЖЕДНЕВНО 11⁰⁰-20⁰⁰) ■ WWW.MILOCONCERTHALL.RU
УЛ. РОДИОНОВА, 4 | VIP-RESERVE ☎ **218-00-22**

90-е: взгляд в будущее

«Селедка» публикует воспоминания и размышления Александра Левинтова – интеллектуала, автора, способного выдавать по 250 новых текстов в год, и главного гастрономического гуру газеты

Пакет Marianna

В начале XX века немецкий экономист теоретик капитализма Вернер Зомбарт доказал, что при доминировании на рынке производителя рынок непременно будет схлопываться, так как производителю выгоднее не производить, чем производить: уменьшение производства ведет к росту цен. Советская экономика блестяще на практике доказала этот теоретический вывод. Она сразу стала экономикой дефицита и карточной системы.

С 50-х по 90-е шло последовательное нарастание и расширение номенклатуры дефицита.

Первыми исчезли крабы, за ними – вобла, потом – кофе и коньяк, ну, автомобили и не появлялись, потом пошли мебель и обои, ковры и люстры, репчатый лук и сосиски, плащи-болонья, дубленки, транзисторные радиоприемники и телевизоры, постельное белье и ткани, осетровые, сиговые и лососевые, вместе со своей икрой, тушенка и сгущенка, твердая колбаса и туалетная бумага... Утомительно перечислять. Несколько анекдотов этой волны:

– У вас мяса нет?
– У нас нет рыбы, мяса нет напротив.

Письмо одесских трудящихся Горбачеву:
«Уважаемый Михаил Сергеевич, не верьте слухам, что в Одессе плохо с мясом, в Одессе с мясом хорошо, в Одессе без мяса плохо».

Письмо смоленских рабочих Горбачеву: «Мы читали в "Правде", что трудящиеся Запада часто недоедают. Выражая братскую пролетарскую солидарность с ними, просим прислать нам то, что они там не доедают».

И вот грянули 90-е.

Даже в благополучнейшей Москве сахар, водку и сигареты стали продавать по талонам, а на кассе надо было предъявлять паспорт с московской пропиской. В универсамах появились очереди ни за чем, просто в ожидании борта, который привезет хоть что-нибудь.

В Симферополе на кассе висело дикое объявление: «Деньги не принимаем».

Типичный юмор тех лет: мужик, оглядев пустые полки, спрашивает: «А это у вас, собственно, что – булочная или обувной?»

Ситуация дефицита перевернулась на 180°: теперь шпалерой, с двух сторон, на тротуарах стояли продавцы с товаром, только что купленным где-то за углом непонятно у кого, а мимо них текли пешеходы – потенциальные покупатели. После Первой мировой войны на улицах Берлина оказалось около миллиона «продавцов». Это явление тогда было названо пролетарской торговлей. Спустя 70 лет мы повторили историю с изумительной точностью. В Польше «раскладушечная торговля» с улиц исчезла уже в 1994 году, а у нас она все тянулась и тянулась...

Помню такую сцену в частном магазине: долго и безуспешно добиваемся у продавщицы возможности купить упаковку входящего в моду баночного пива, наконец не выдерживаем и идем искать хозяина:

– Она правильно делает: вы сейчас забьете сразу сорок банок и оставите меня без пива, с вашими фантиками, а завтра цены на пиво поднимутся вдвое.

Я в то время преподавал «Введение в предпринимательскую и коммерческую деятельность» для 9–10-х классов. Один шустрый молодой человек уговорил мать, директора прачечной самообслуживания «Чайка», разрешить ему поставить обыкновенный письменный стол, найдя им на какой-то помойке, в вестибюле прачечной. У него была коллекция видеокассет, почти сплошь порнушка. Он давал напрокат свои кассеты, под залог червонец за каждую. Через неделю он возвращал деньги арендаторам. Кассеты шли нарасхват, и бизнес его процветал: получив червонец, он тут же менял его на доллары, а через неделю реконвертировал доллары в рубли. Это приносило ему рубль-полтора на каждом червонце в неделю. Недельный оборот – 300 кассет, чистая прибыль – 300–450 рублей; доктор наук профессор МГУ получал тогда 400.

Кстати, тогда я заметил у детей своеобразный голод: нет, они не голодали так, как мы в 40-е. Но они питались явно некачественно: благородный Запад с удовольствием эшелонами сгружал

нам то, что не проходило по их законодательству или залеживалось. Голод выражался в том, что детям было все равно что жевать – у них пропал вкус.

Наше движение на Запад сопровождалось нелепыми гримасами: институт иностранных языков имени Мориса Тореза (французский коммунист) стал лингвистическим университетом имени барона Вильгельма фон Гумбольдта, но при этом в институтской столовке исчезли все металлические вилки-ложки, и на кассе надо было покупать одноразовые пластиковые приборы многократного использования. Тогда же вдруг исчезли все стаканы у автоматов с газировкой и пивные кружки: каждый пивосос ходил со своей пол-литровой банкой.

Зато водкой и прочим алкоголем торговали повсеместно и круглосуточно. Водку можно было купить и в стограммовой расфасовке, и в пятилитровой. Так исчезла тридцатилетняя традиция пить на троих. «Амаретто», «Кюрасао», шампанское, виски, коньяки, ликеры – всё или почти всё было жуткой отравой и подделкой.

Причин произошедшего в 90-е, особенно в их начале, несколько. Вот наиболее очевидные, но далеко не единственные:

– гласность, перестройка и всё последующее прошло на голом негативе и отрицании коммунистических ценностей, но не было ни одной позитивной, конструктивной идеи о будущем, всем казалось, что мы просто вернемся в дореволюционную

историю или примкнем к современной нам рыночной экономике Запада, но само собой ничего не бывает;

– основная масса людей потеряла работу и либо деградировала в безделье, либо погружалась в непроизводительную пролетарскую торговлю: ничего не производя, на что рассчитывали? (в путинские времена палочкой-выручалочкой стала нефть, цены на которую за 12 лет выросли с 7 до 160 долларов за баррель, что окончательно развратило нас: 30 лет безделья даром не проходят);

– инфляцию усилила компьютеризация: компьютеры скупались по всему миру тоннами, контейнеровозами и танкерами, и продавались на внутреннем рынке в среднем по 2000 банков, но на 70–80% эти компьютеры использовались непроизводительно, для игр (сейчас этот процент ненамного ниже);

– перестройка и свобода подействовали на наше общество разлагающе: первыми это почувляли криминальные силы и власти, но и мы сами сказали себе: «теперь можно всё», забыли о совести, чести и морали, мы все оказались жуликами и мошенниками; и это так въелось в нас, что теперь проходит и «крымнаш», и война в Сирии непонятно за чьи интересы, и полное судебное бесправие.

90-е годы указывают нам путь спасения: если удастся вновь стать трудящимися, если к нам вернется совесть, мы будем спасены. ■

HUMAN INTEREST

28.09-
11.11

A N N
N A
O V A
G A L L E R Y

FUTURO
GALLERY

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЛЕРЕЯ ANNA NOVA ЗНАКОМИТ ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕГО НОВГОРОДА С АКТУАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

ОТ ПОРТРЕТОВ АГРЕССИВНЫХ ПОДРОСТКОВ
1990-Х ГОДОВ К ИСКУССТВУ ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

ALEXANDER DASHEVSKY / IRINA DROZD
ROSTAN TAVASIEV / STAS BAGS

ЧАСЫ РАБОТЫ - 12.00 - 20.00, ПН., ВТ. - ВЫХОДНЫЕ
FUTURO GALLERY / УЛ. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 6, 2-Й ЭТАЖ

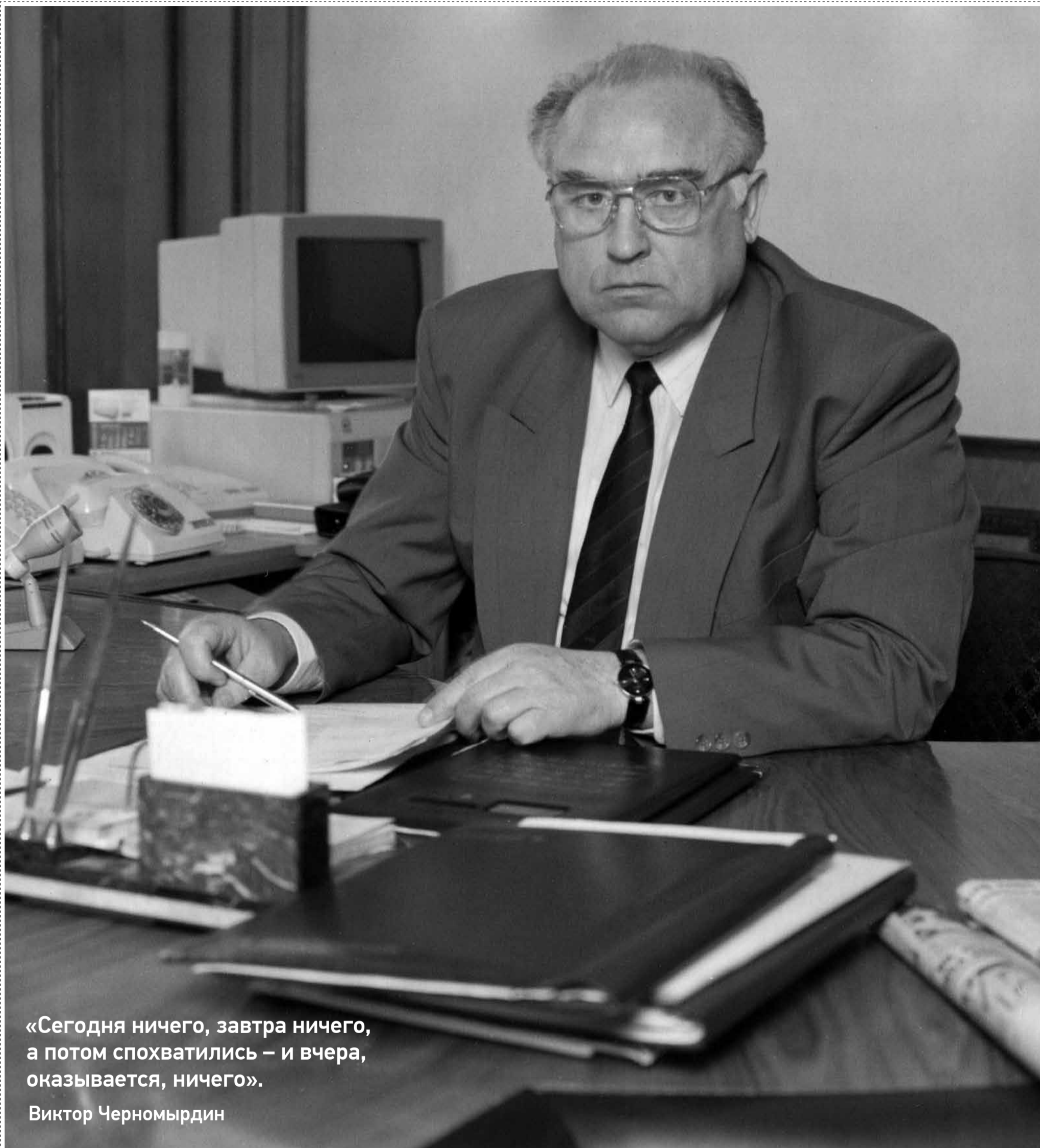
СООРГАНИЗАТОР:

ПАРТНЕРЫ:

Raiffeisen Premium Banking

«Сегодня ничего, завтра ничего,
а потом спохватились – и вчера,
оказывается, ничего».

Виктор Черномырдин

Если вы хотите поделиться гениальной мыслью по поводу содержания газеты и ее будущего, можете написать письмо нам в редакцию. Заранее спасибо. seledka@ekproject.ru

Селедка № 5 (62) сентябрь-октябрь 2017 г.

www.seledkagazeta.ru

Учредитель и издатель: ООО «СОБАКА.НН», 603093, Нижний Новгород,
ул. Ковровская, 11а. ☎ +7 (831) 433-95-84, 433-87-63

Периодичность: 1 раз в 2 месяца

Тираж: 9000 экз.

Отпечатано в ООО «Поволжье-НН» (типография «РИДО»),
603074, Нижний Новгород, ул. Шаляпина, 2а. ☎ +7 (831) 275 14 04

Главный редактор: М. И. Гончарова

Заместитель главного редактора: Лидия Кравченко

Арт-директор: Александр Курицын | Верстка: Денис Кузьмин

Реклама: Илона Лапшина | Обложка: Роман Яровицын

Над номером работали: Андрей Амиров, Илья Большанов, Марк Григорьев, Сергей Данюшин, Юлия Кальсина, Дмитрий Ковальчук, Елена Касатова, Александр Левинтов, Александр Павлов, Анна Парфенова, Валентина Переведенцева, Роман Яровицын.

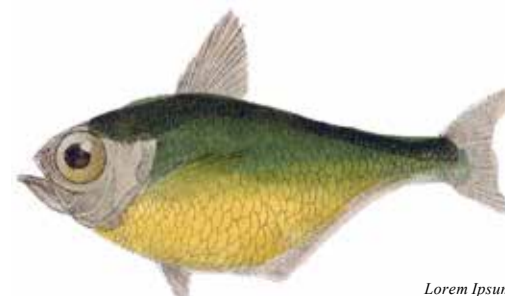
Адрес редакции:

603093, Нижний Новгород, ул. Ковровская, 11а
☎ +7 (831) 433-87-63.

Газета «Селедка» (Seledka) зарегистрирована в управлении
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Приволжскому федеральному
округу (Управление Роскомнадзора по Приволжскому федеральному
округу). Регистрационное свидетельство ПИ № ТУ52-01177 от 27.12.2016 г.
Перепечатка материалов газеты «Селедка» (Seledka) невозможна без
письменного разрешения редакции. Мнение авторов может не совпадать
с точкой зрения редакции.

Номер подписан в печать 07.09.2017 в 11:00, по графику 07.09.2017 в 11:00.

Дата выхода в свет 14.09.2017. Распространяется бесплатно.

Lorem Ipsum